

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾).

1—5 августа. Письмо одного изъ нашихъ воителей съ фронта— „мы то несомнѣнно побѣдимъ нѣмца, а вотъ какъ вы-то, какъ у васъ внутри Россіи побѣдите нѣмца“,—ужь стало общимъ достояніемъ. Дѣло побѣды нѣмцевъ внутри Россіи отъ этого нисколько не подвинулось впередъ. Нѣмецкое землевладѣніе остается; крупное нѣмецкое землевладѣніе бережно охраняется, а акціонерныя и торговныя предпріятія австро-германцевъ нагло процвѣтають или самымъ ничтожнымъ образомъ устраняются. Просто противно смотрѣть, какъ подлы и низки русскіе нѣмцелюбы...

Какая громадная разница въ полной ликвидаціи всего нѣмецкаго въ Англіи, Франціи и у насъ; на примѣръ Московское нѣмецкое электрическое общество 1886 года имѣеть такихъ могучихъ покровителей, что соединенныя силы всей Москвы не могутъ выбить нѣмцевъ изъ ихъ укрѣпленныхъ электричествомъ и чѣмъ-то другимъ позицій. Здѣсь, въ Петроградѣ, торговныя и акціонерныя нѣмецкія предпріятія открываютъ лазареты для раненыхъ, жертвуютъ на нужды войны сотни тысячъ (а высасываютъ отъ русскихъ десятки милліоновъ) и, наконецъ, они начинаютъ принимать самое горячее участіе въ мобилизаціи промышленности и изготовленіи заказовъ на армію. Простого обывателя беретъ оторопь, когда онъ посмотритъ на выѣски Эйлерсовъ, Гановъ, Шукертовъ, Сименсъ и Гальске Зингеровъ, Коцелей, Стеглау и другихъ, коимъ имя легионъ. Западаеть сомнѣніе вообще въ честность русскаго человѣка.

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1915 г.

Теперь уже совершенно ясно опредѣлилось, какъ надо составлять всѣ предположенія для дѣйствій противъ германцевъ. Ихъ надо бить собственнымъ оружіемъ. Чѣмъ наглѣе, чѣмъ дерзновеннѣй будетъ составленъ нашъ планъ, тѣмъ успѣшнѣе онъ будетъ проведенъ въ жизнь.

Въ Петроградѣ и всѣхъ окрестностяхъ оказывается недостатокъ мелкой, разнѣной монеты, особенно мѣдной.

Изъ Прибалтійскаго края высланъ Руанскій пасторъ Баеръ, а изъ Псковской губ. пасторъ Драколерь. Хороши служители церкви, которыхъ приходится выселять.

По словамъ „Новаго Времени“, отъ 2 августа, нѣмецкихъ колонистовъ „Кронштадтской Колоніи“, находящейся вблизи Ораніенбаума, передъ Кронштадтомъ, дѣйствительно, вначалѣ войны хотѣли выселить изъ прибрежной полосы. Но, конечно, нѣмцы сейчасъ же пустили въ ходъ связи, организовали депутацію въ Петроградъ, и, въ концѣ концовъ, были оставлены, какъ надежный элементъ въ охранѣ русскихъ береговъ отъ непріятеля.

Слышалъ разсказъ о томъ, куда уже достаточное количество времени уходили русскія золотыя монеты. Передавали, что нѣкоторые ювелирные магазины преисправно пускали ихъ въ издѣліе на золотыя вещи.

Г. Петровъ передаетъ ¹⁾ дѣянія германцевъ надъ латышами въ Курляндскомъ селеніи К. М. „Тамъ германцы также заставляли все мужское населеніе работать надъ ихъ окопами, и латыши также отказывались. Тогда вильгельмовскіе гунны заперли ослушниковъ въ сарай и три дня морили ихъ голодомъ. Латыши голодали, но отъ рытья окоповъ нѣмцамъ отказывались. Гер-

¹⁾ „Русск. Слово“, 1 августа с. г.

манцы рѣшились добиться послушанія. Для этого они выбрали тѣхъ, кто съ ними объяснялся болѣе упорно, и въ присутствіи ихъ женъ и дѣтей жестоко выпороли. Не помогло и это: латыши не хотѣли работать на нѣмцевъ. Тутъ германцы превзошли самихъ себя. Я передаю не сомнительный слухъ, а точно установленный, запротоколенный случай, дѣло, о которомъ передано въ слѣдственную комиссію по разбору германскихъ звѣрствъ. Раздраженное упорствомъ латышей, не желающихъ рыть германцамъ окопы, нѣмецкое начальство придумало новую мѣру воздѣйствія. Оно выбрало пятнадцать наиболѣе достойныхъ, отличившихся германскихъ солдатъ и въ награду имъ позволяло по очереди, кинувъ жребій, выбрать себѣ пятнадцать латышскихъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ. Когда выборъ былъ сдѣланъ, „счастливыцы“, въ присутствіи отцовъ и мужей, не желавшихъ рыть нѣмецкіе окопы, изнасиловали латышекъ, а потомъ и мужчинъ и женщинъ, теперь всѣхъ уже вмѣстѣ, заперли въ сарай и сказали имъ, что въ каждаго, кто выглянетъ, будутъ стрѣлять. Несчастные, — голодные, опозоренные, — сидѣли еще сутки безъ хлѣба. На вторые, не въ силахъ долѣе терпѣть, выглянули: германцевъ не было, — ушли. Отъ домовъ торчали одиѣ печи съ трубами: все было сожжено^а.

Утромъ 2-го августа въ Павловскѣ умеръ Константинъ Александровичъ Варламовъ. Сцена Александринскаго театра, а равно, петроградскіе обыватели, а также и вся его почитавшая Россія понесли ужасную утрату. Своимъ могучимъ комическимъ талантомъ почившій заставлялъ слушателей забывать всѣ тяготы, невзгоды жизни, давалъ имъ чистое наслажденіе заразительнаго смѣха. Такимъ образомъ, устраняя тяжелое, печальное настроеніе, онъ удлинялъ жизнь своихъ слушателей.

Добрыя дѣла и хлѣбосоольство его безграничны. Популярность его была громадна, и проводить его въ соборъ Ново-дѣвичьяго монастыря пришла масса народа. На глазахъ многихъ лицъ были самыя искреннія, неподдѣльныя слезы. Весь артистическій міръ и многія знакомыя называли его „дядя Костя“. Съ такимъ же словомъ обращался къ нему почившій Великій Князь Константинъ Константиновичъ. К. А. Варламовъ передавалъ намъ такой рассказъ: Буду я на извозчикѣ по Гороховой. Вижу, идетъ мнѣ навстрѣчу, по тротуару, Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Снялъ шляпу для привѣтствія

Его Высочества, а Великій Князь мнѣ въ отвѣтъ: Здравствуйте, дядя Костя! Слѣзь я съ извозчика и поговорилъ съ Великимъ Княземъ. Затѣмъ, ѣду обратно на томъ же извозчикѣ и, подъѣжая къ дому, прибавляю извозчику за остановку нѣсколько монеть. На это мнѣ извозчикъ отвѣчаетъ: Покорнѣйше благодарю Ваше Императорское Высочество. Что ты! что ты, замахалъ я на него руками. Откуда это тебѣ въ голову пришли эти слова? Да какъ же мнѣ это не сказать, когда Великій Князь называлъ васъ дядя Костя, отвѣтилъ извозчикъ.

Намъ пришлось очень близко знать Константина Александровича и, за нѣсколько дней до его смерти, получить отъ него письмо о томъ, что ему нездоровится и что онъ никакъ не можетъ пріѣхать.

Въ полдень 2-го августа поѣхалъ его навѣстить и у воротъ дома встрѣтилъ извѣстнаго его карлика, который на нашъ вопросъ, дома ли Константинъ Александровичъ, отвѣтилъ: „Дома-то они дома, да они сегодня утромъ умерли“.

Разсказываютъ, что нѣкоторые изъ нашихъ банковъ крайне щедро субсидируются Deutscher Banc'омъ и ведутъ съ Германіей торговныя сношенія.

Главными причинами дороговизны являются не столько вѣдомство путей сообщенія, сколько нѣкоторые оптовики, а главнымъ образомъ нѣкоторые банки, которые, вопреки устава, занимаются торговлей, выдаютъ подъ продовольственные запасы ссуды и задерживаютъ отъ разгрузки вагоны съ продовольственными запасами, спекулируя на нихъ. Для устранения сего необходимо въ Петроградѣ поставить военную власть, съ военными полномочіями, которая могла бы принимать рѣшительныя мѣры, не стѣсняясь отвѣтственностью. Особенно вредносна также дѣятельность синдикатовъ по топливу (Продуголь) и по желѣзу и чугуну (Продаметъ).

Для передачи торговыхъ и иныхъ свѣдѣній въ Германію практикуется такой способъ. Лицо, которое въ семъ надобность имѣетъ, снабжается изъ Петрограда надлежащими для выѣзда документами, ѣдетъ въ Стокгольмъ, откуда передаетъ, что надо по телефону въ Берлинъ или другой Германскій городъ все, что считаетъ необходимымъ сообщить, а затѣмъ возвращается въ Петроградъ.

Повторяемъ еще разъ, что обмѣнъ съ Германіей инвалидами для насъ вреденъ: инвалидовъ мы ни на что не пристроимъ, а у нѣмцевъ всякій человѣкъ въ тылу на счету, и каждаго изъ своихъ инвалидовъ они приткнутъ къ дѣлу, а смѣненныя инвалидами пошлютъ на фронтъ.

Слышалъ рассказъ одного завѣдующаго передовымъ перевязочнымъ пунктомъ, который въ февралѣ работалъ бевостановочно подъ Праснышемъ, сначала въ русскихъ войскахъ, потомъ въ нѣмецкихъ и затѣмъ опять въ русскихъ войскахъ. По его словамъ, всѣ дома этого города, переходившаго изъ рукъ въ руки, были переполнены русскими и нѣмецкими ранеными. Въ Праснышѣ нѣмцами былъ захваченъ въ плѣнъ тяжело раненый полковникъ съ нѣсколькими пажными чинами, такъ какъ остальные были всѣ перебиты. Лишь только нѣмцы превосходными силами окружили ничтожную команду, какъ полковникъ вынулъ револьверъ и застрѣлся.

Это же лицо передавало мнѣ, какъ одинъ извѣстный московскій хирургъ дѣлалъ безъ хлороформа очень тяжелую операцію одному солдату, у котораго было крайне слабое сердце.

Во все время тяжелой операціи солдатикъ не издалъ ни одного звука. А послѣ операціи, когда вышелъ хирургъ вымыть руки, а раненаго хотѣли унести, послѣдній энергично воспротивился и сталъ просить прійти хирурга. Когда докторъ возвратился, то раненый взялъ его руку, поцѣловалъ ее и сказалъ: „ну, теперь несите“!

Я слышалъ, что въ настоящее время германцы сильно озабочены, чтобы нѣмки въ будущемъ рожали возможно большее количество нѣмчатъ. Къ этому они пристраиваютъ прежде всего свою нѣмецкую церковь, и пасторы, въ киркахъ, должны будутъ поучать своихъ пасомыхъ, что каждому, любящему свою родину нѣмцу, обязательно необходимо имѣть свою семью. На холостяковъ будетъ гоненіе и съ большимъ на нихъ налогомъ. Заработная плата, какъ государственная, такъ и на частныхъ предпріятіяхъ, будетъ болѣе повышена для женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ, а самая заработная плата будетъ увеличиваться, а налоги уменьшаться въ зависимости отъ числа дѣтей. Принятіе на нѣкоторыя мѣста нѣмокъ-восталокъ будетъ отмѣнено, и будутъ приняты особыя мѣры для уменьшенія смертности дѣтей.

Въ каждомъ нѣмецкомъ городѣ, для наблюденія за симъ дѣломъ, будетъ составлена особая, постоянно дѣйствующая комиссія изъ значительнаго числа членовъ, въ числѣ коихъ будутъ находиться профессора, врачи, попечители о бѣдныхъ и др.

Членомъ Г. Думы Я. Ю. Гольдманомъ внесенъ сегодня ¹⁾ въ Г. Думу законопроектъ объ отмѣнѣ баронскихъ привилегій, подписанный членами Г. Думы въ количествѣ 204 человекъ.

Въ слѣдственную комиссію доставленъ протоколъ ²⁾ опроса судебнымъ слѣдователемъ рядового изъ крестьянъ Николая Дорожка, который показалъ слѣдующее. Нашъ полкъ находился на люблинскомъ направленіи. Первый бой, въ которомъ участвовалъ полкъ, произошелъ на разсвѣтѣ между Ивангородомъ и Новой Александріей. Послѣ прекращенія боя, полкъ расположился на отдыхъ, часть солдатъ полка и Дорожка стали помогать санитарамъ относить раненыхъ въ деревянный сарай. Часовъ около 11 ночи раздалась сильная ружейная стрѣльба. Оказалось, что деревня была окружена германцами. Наши начали отступать отъ деревни. Приблизительно въ верстѣ отъ нея Дорожка и два другихъ нижнихъ чина натолкнулись въ темнотѣ на германскій окопъ, были захвачены въ плѣнъ и доставлены въ ту деревню, отъ которой только-что отошли. Ихъ троицъ привели въ тому сараю, куда онъ, Дорожка, помогалъ носить раненыхъ, и поставили у глухой стѣнки сарая. Такъ они стояли минутъ 20. Подошедшій нѣмецкій офицеръ взялъ пукъ соломъ, положилъ ее возлѣ угла сарая и поджегъ. Черезъ 2—3 минуты, когда пламя охватило крышу, изъ сарая раздалась душу раздрающіе крики о помощи нашихъ раненыхъ. Въ это время къ одному изъ троицъ захваченныхъ въ плѣнъ подошелъ германскій офицеръ и выстрѣлилъ въ упоръ изъ револьвера въ плѣннаго. Тотъ свалился на землю. Тотъ же офицеръ чѣмъ-то полоснулъ по животу второго плѣннаго, и при свѣтѣ пожараца Дорожка увидѣлъ, какъ у его товарища, падающаго на землю, вывалились изъ живота кишки. Послѣ этого Дорожка моментально метнулся въ сторону и побѣжалъ на гору. Въ догонку раздалось нѣсколько выстрѣловъ, но ни одна пуля не задела смѣльчака, и ему уда-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 2 августа с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 3 августа с. г.

лось убѣжать къ нашимъ частямъ. Въ подоженномъ германцами сараѣ, по словамъ санитаровъ, находилось 66—68 нашихъ тяжело раненыхъ, которые сгорѣли.

Пріѣхавшіе изъ Риги рассказываютъ, что по лицамъ тамошнихъ нѣмцевъ можно составить понятіе о военныхъ дѣйствіяхъ германцевъ. Если лица радостны, то успѣхъ на сторонѣ германцевъ, если сумрачны—то успѣхъ на нашей сторонѣ.

Усиѣнность дѣйствій германцевъ сопровождается нѣмецкимъ языкомъ на улицахъ и выставленіемъ въ витринахъ книжныхъ магазиновъ книгъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Когда счастье склоняется на сторону Россіи, то нѣмецкія книги убираютъ и нѣмецкіе разговоры прекращаются.

Приводимъ интересный и трогательный рассказъ г. Михайлова ¹⁾ про дѣянія одного изъ нашихъ полковыхъ священниковъ.

„Онъ былъ благочиннымъ одной изъ второочередныхъ пѣхотныхъ дивизій.

Когда онъ представлялся начальнику дивизіи, тотъ естественно спросилъ:

— А гдѣ, батюшка, ваши вещи? И какъ добрались вы къ намъ съ вокзала?

— Вещи? Да вотъ что на мнѣ и вотъ здѣсь,—указалъ онъ на маленькій узелокъ возлѣ себя.—А съ вокзала пришелъ пѣшкомъ.

— Ну, зачѣмъ вы, батюшка, такъ дѣлаете?! Мы экипажъ за вами послали бы! Дождь, грязь!—заволновался генераль.

— Ничего, мы къ этому привычны, вѣдь я же монахъ.

Это было первое съ нимъ знакомство.

А дальше рядъ путешествій по окопамъ подъ обстрѣломъ, панихиды на одинокомъ, уже покинутомъ нашими войсками кладбищѣ...

Все просто, тихо, незамѣтно...

Съ той простотой, незлобивостью и радостностью, что сохранилась во всемъ мірѣ только у нашего русскаго старенькаго и неизбалованнаго жизнью священника.

Жизнь наша, мелкая, эгоистичная, почти совершенно чуждая имъ. Въ нихъ много дѣтскаго, чистаго...

¹⁾ „Веч. Вр.“ 4 авг. с. г.

Зато они больше нашего почувствуютъ ея правду.

Приходить, напримѣръ, какъ-то онъ къ генералу, немного взволнованный и растерянный:

— Ваше превосходительство, вы обязательно представьте меня къ кресту, къ ордену по-вашему, а то я получилъ письмо отъ своего настоятеля, онъ пишетъ, что я навѣрное плохо служу, если всѣ мои батюшки уже получили награды, а я вѣтъ! А я вѣдь ничого, ничѣмъ не провинился? Такъ представьте же, ваше превосходительство. А то негоже выходить.

Какъ хорошо, что онъ успѣлъ получить этотъ орденъ до своей смерти. Хотя теперь никто уже не скажетъ, что онъ плохо служилъ.

Узналъ я о его смерти въ походѣ, въ тяжелое время, когда всѣ помыслы были заняты своимъ дѣломъ. Тогда мнѣ это показалось совершенно ненужнымъ,—зачѣмъ мнѣ знать, что онъ убитъ?!

А сейчасъ... Но такія смерти нужны! Въ нихъ залогъ прекраснаго въ грядущемъ и величія въ настоящемъ! Иначе Господь не допустилъ бы ихъ!

Наша бригада съ полкомъ, гдѣ онъ былъ священникомъ, была придана сосѣднему корпусу. Корпусъ этотъ попалъ въ очень тяжелую обстановку и долженъ былъ отойти. Бригаду назначили аріергардомъ, задачей котораго было прикрыть отходъ всего корпуса. Нѣмцы давили со всѣхъ сторонъ. Ежеминутно можно было ожидать окруженія. Особенно худо пришлось полку, гдѣ былъ онъ. Полку нужно было начать отходъ днемъ, чтобы дѣйствительно не быть окруженнымъ и успѣть догнать корпусъ.

Въ цѣпяхъ съ солдатами лежалъ и батюшка.

Раздалась команда для атаки... Безъ короткаго удара отойти не было возможности. Первымъ изъ окоповъ поднялся батюшка. Повернувшись спиной къ врагу, осѣняя своихъ крестомъ, говорилъ солдатамъ онъ о трудной минутѣ, о побѣдѣ, а что ему самому негоже на старости лѣтъ попасться въ плѣнъ къ нѣмцамъ и что лучше умереть за Царя и родину.

Почти первой же вражеской пулей онъ былъ раненъ въ обѣ ноги. Упалъ со словами благословенія. А слѣдующимъ залпомъ былъ убитъ—пуля попала въ високъ.

Полкъ выполнилъ свою задачу и присоединился къ корпусу.

Батюшка въ плѣнъ не попалъ. Желаніе его исполнилось: онъ умеръ за Царя и родину. А свѣтлая память о немъ съ нами до побѣды и счастья Россіи, о которомъ онъ такъ любилъ говорить*.

Противъ того дома, гдѣ я живу въ Петроградѣ, въ музеѣ Штиглица помѣщается 8 мастерская сѣвернаго района Россійскаго общества Краснаго Креста.

Эта мастерская, для войсковыхъ потребностей, даетъ работу значительному количеству женскаго люда. Къ 9 часамъ утра къ дверямъ музея стекается масса женщинъ въ самыхъ разнообразныхъ одѣянiяхъ, въ шляпкахъ и платочкахъ, молодыхъ и пожилыхъ, красивыхъ и некрасивыхъ.

Въ часъ дня во время перерыва работы изъ дверей слышно выбѣгаютъ эти труженицы, и въ окрестныхъ булочныхъ нельзя достать ни одного кусочка хлѣба, все потребляется этими труженицами для войскъ. А когда въ седьмомъ часу вечера онѣ расходятся, то сразу вся улица заполняется женщинами. Къ зданiю мастерской на подводахъ подвозятъ матеріалы и уже готовое бѣлье отвозятъ на грузовикахъ должностныя лица Краснаго Креста.

Разгрузку матеріаловъ производятъ служащiе и мальчики, при чемъ мальчики стараются набрать возможно больше матеріала и навкладываютъ ношу на половину своего роста.

Иногда, въ теплую погоду, мальчики выносятъ машинки изъ мастерской на тротуаръ и наливаютъ въ нихъ масло.

Бытовая, красивая картинка, достойная, кисти художника.

Въ „Вечернемъ Времени“ отъ 5 iюня интересно описанъ нижеслѣдующiй подвигъ подводной лодки „Окуин“:

„День 21 мая подходилъ къ концу. Море съ утра волновалось, но теперь понемногу успокаивалось, и заходящее солнце ярко блестѣло и искрилось на волнахъ, лѣниво догонявшихъ одна другую. На всемъ необъятномъ просторѣ ни одного парохода, ни одного паруса. Пустынно все кругомъ, и только одна точка, затерявшаяся въ открытомъ морѣ, гдѣ-то чернѣется вдали,—это подводная лодка русскаго флота, стоящая на стражѣ.

Два матроса и офицеръ съ биноклями находятся наверху и внимательно слѣдятъ за окружающимъ, не покажется ли на горизонтѣ дымокъ непріятельскихъ судовъ, не виденъ ли на водѣ перископъ вражеской подводной лодки, нѣтъ ли слѣда выпущенной ею мины и не видать ли вдали купающагося въ солнечныхъ лучахъ непріятельскаго гидровѣроплана.

Опасность грозитъ со всѣхъ сторонъ,—надо быть начеку.

Долгое томительное ожиданiе успѣло уже надоѣсть, но вотъ, гдѣ-то, на горизонтѣ, далеко, далеко къ югу, показавался дымокъ.

Такъ и есть. Дымъ все гуще и больше, и видно идутъ на 2—3 корабля, а можетъ быть цѣлая эскадра.

Команда встрепенулась, на всѣхъ лицахъ выраженіе бодрости и крайняго интереса. Всѣ лѣзутъ наверхъ, всѣмъ хочется по-смотрѣть непріятеля. Дымъ все растетъ и растетъ, первыя минуты всеобщаго подъема прошли, люди ушли внизъ дѣлать свое дѣло, захлопнулась крышка люка, и лодка, погружившись въ глубину, пошла навстрѣчу судамъ.

Уже показались мачты и трубы кораблей,—ихъ такъ много, что нѣтъ буквально возможности на такомъ разстояніи сосчитать, сколько ихъ. Но всѣмъ ясно, что навстрѣчу идетъ цѣлая эскадра, и лодки, стерегущей случай, посчастливилось оказаться на ея пути.

Надо сказать, что нѣмцы, послѣ значительнаго перерыва, задумали произвести въ Балтійскомъ морѣ какую-то операцію и постарались обставить ее возможно лучше. Для этой цѣли, повидимому, и были посланы на помощь войскамъ, дѣла которыхъ въ то время въ Курляндіи обстояли весьма неважно, главныя силы германскаго флота.

Командиръ подводной лодки не отходилъ отъ перископа, противники сближаются и, наконецъ, онъ уже ясно видитъ, что навстрѣчу ему идутъ въ строй кильватера 10 линейныхъ кораблей типа „Брауншвейгъ“ и „Виттельсбахъ“, окруженные съ обѣихъ сторонъ роемъ миноносцевъ.

Эскадра направлялась на сѣверъ и насчитывала въ своемъ составѣ 30—40 судовъ.

Миноносцы, идя въ строй кильватера по обѣимъ сторонамъ линейныхъ кораблей, должны были защищать отъ нападенія подводныхъ лодокъ, но это имъ не удалось, несмотря на значительное количество миноносцевъ — 20—30, окружавшихъ нѣмецкую эскадру. Все вниманіе командира было обращено на линейные корабли и хотя до нихъ можно было добраться, только пройдя сквозь строй миноносцевъ, это его мало смущало. На миноносцы командиръ лодки, который уже себѣ намѣтилъ наиболѣе лакомый кусокъ въ видѣ линейнаго корабля, обращалъ вниманіе постольку, поскольку они могли мѣшать его намѣреніямъ.

Въ лодкѣ тишина; всѣ на своихъ мѣстахъ, и только жужжаніе электромотора да стрѣлка глубомѣра говорятъ, что лодка движется и идетъ на заданной глубинѣ.

— Аппараты готовы!—раздается команда; всѣ встрепенулись; значитъ, врагъ близко. Еще немного, и въ него понесутся наши

мины. Время тянется томительно медленно, почему же итъ „пли“, — проносится въ умѣ.

Въ это время раздается голосъ командира: „Проходимъ въ 12—15 саженьхъ по лѣвому борту головного миноносца, который насъ не видитъ“.

Слышится работа его винтовъ. Лодка снова погружается и когда она на глубинѣ 50 футовъ, надъ ней проходятъ второй миноносецъ.

„Право. Всплывай!“

Лишь только перископъ показался на полфута надъ поверхностью воды, какъ командиръ увидѣлъ передъ собой въ 20 саженьхъ таранъ и часть борта головного линейнаго корабля, который вышелъ изъ строя, чтобы таранить подводную лодку. Разстояніе было настолько мало, что даже палубы таранящаго корабля не было видно. На лодку просто надвигалась стѣна, которая должна была ее немедленно раздавить.

„Пли“. „Право на бортъ“. „Погружайся“. „Полный ходъ впередъ!“ Вотъ только-что успѣлъ скомандовать командиръ, какъ суда уже столкнулись.

Передъ самымъ столкновениемъ было слышно, какъ мины вышли изъ аппарата по направленію непріятельской эскадры. Раздался страшный грохотъ. Что-то ломалось, взорвалось, трещало, вся лодка дрожала, внутри летѣла посуда и всякая мелочь. Лодка накренилась на правый бортъ на 20—25 град., такъ что команда не могла стоять и держалась за что попало. Но команда оказалась на высотѣ. Всѣ приказанія были выполнены отчетливо и быстро.

Только благодаря этому, командиру удалось выйти изъ-подъ днища головного линейнаго корабля типа „Брауншвейгъ“. Приѣмъ воды въ цистерны далъ возможность уйти, вѣрнѣе говоря, упасть на большую глубину, на 90 футовъ. Послѣ этого лодка поднялась до 75 футовъ, и въ это время раздался сильный взрывъ, сопровождавшійся лязгомъ желѣза. Звукъ былъ настолько силенъ, что вся команда подумала, что корпусъ лодки вѣроятно былъ поврежденъ при столкновении и теперь, не выдержавъ давленія забортной воды, разрывается. Предположенія однако не оправдались. Всѣ сильно обрадовались: не подлежитъ сомнѣнію, что одна изъ выпущенныхъ минъ попала и взорвала непріятельскій корабль.

Настроеніе сразу стало приподнятымъ, знаятъ, не даромъ ходили и попали въ такую передрагу. Было желаніе посмотреть, въ чемъ дѣло, но лишь только лодка поднялась до 60 футовъ,

какъ надъ нею послышался приближающійся шумъ работающихъ гребныхъ винтовъ большого корабля, а потому, во избѣжаніе вторичнаго столкновенія, пришлось снова погрузиться.

Сколько разъ лодка ни пробовала подняться на поверхность, чтобы посмотрѣть, но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ лишь только она подымалась до 50 футовъ, какъ надъ нею снова слышалась работа винтовъ, но теперь однихъ только миноносцевъ. Черезъ нѣкоторое время шумъ прекратился, и „Окунь“, взявъ нужный путь, вышелъ изъ линіи непріятельскихъ кораблей. Судя по работѣ гребныхъ винтовъ, въ нѣмецкой эскадрѣ произошелъ полнѣйшій хаосъ и безпорядокъ. Суда въ паникѣ носились въ различныхъ направленіяхъ, артиллерійскаго огня, судя по всѣмъ даннымъ, не открывали,—на лодкѣ разрыва снарядовъ не было слышно. Благодаря отчетливому и немедленному исполненію командой всѣхъ приказаній, лодка быстро ушла изъ-подъ днища таранившаго линейнаго корабля и ему не удалось ее разрушить. Корпусъ лодки совершенно не пострадалъ и поврежденнымъ оказался только одинъ перископъ, который согнуло отъ удара на 90 градусовъ. (Онъ теперь на выставкѣ „Трофеи войны“).

Лишь сальникъ перископа началъ пропускать воду въ лодку. Хотя вода и попадала въ небольшомъ количествѣ, все же это стало понемногу давать себя чувствовать и потому приходилось продувать воду изъ цистернъ и тѣмъ восстанавливать пловучесть. Въ 11 час. 30 мин. „Окунь“ поднялся на поверхность, послѣ четырехчасоваго хода подъ водою на глубинѣ 80—60 футовъ.

Море оказалось совершенно пустынно, и, пользуясь лунной ночью, лодка, совершившая столь блестящее дѣло, пошла восвояси.

По приходѣ на мѣсто былъ произведенъ подробный осмотръ лодки, но никакихъ новыхъ поврежденій обнаружено не было. Перископъ тогда былъ замѣненъ запаснымъ, и „Окунь“, со своей геройской командой, снова вошелъ въ строй, какъ ни въ чемъ не бывало. Старый же перископъ былъ отправленъ въ Петроградъ въ морской музей“.

Большая каша заваривается на Балканскомъ полуостровѣ. Германцамъ дозарѣзу нужны на Балканахъ люди и возстаніе мусульманъ. Конечно, на первомъ планѣ это, ихъ союзники, турки; а инетиты нѣмцевъ желаютъ прихватить болгаръ, грековъ и румынъ.

Вездѣ въ этихъ странахъ правители нѣмцы, а королева греческая сестра кайзера.

На болгаръ намъ разсчитывать нельзя. Фердинандъ съ помощью нѣмецкихъ денегъ окончательно совратилъ ихъ для цѣлей Германіи. Болгарія и ея армія теперь для насъ потеряны. Но, и при такомъ положеніи, Россіи нельзя броситься съ ножомъ къ горлу на блудную свою дочь Болгарію.

Надо испытать все средства, которыя надлежатъ примѣнить матери противъ блудной дочери.

Напрасно разные писаки порицаютъ дипломатію и рекомендуютъ ножевую расправу для Россіи. Для этого, вѣроятно, придетъ свое время, и болгарскія войска будутъ стрѣлять въ русскихъ изъ подаренныхъ Россіей орудій и берданокъ.

Другое дѣло Греція и Румынія. Съ ними языкъ долженъ быть другой; англо-французскій флотъ, не вошедшій за „Гебенъ“ и „Бреслау“ въ Константинополь, долженъ блокировать и бомбардировать греческіе берега. Безъ этого средства намъ не помочь. Туфля Софіи Греческой придавила очень сильно своего супруга. Что же касается до Румыніи, то прежній ходъ исторіи показываетъ ясно, что путь русской арміи на Балканскій полуостровъ всегда шелъ черезъ Молдавію и Валахію, именуемую нынѣ Румыніей. Веленій исторіи измѣнить нельзя никому.

Корреспондентъ „Новаго Времени“, Яковлевъ, даетъ ниже-слѣдующее картинное изображеніе того настроенія ¹⁾, которое охватило населеніе провинціальной Франціи, при полученіи извѣстія о войнѣ съ Германіей:

Я былъ въ провинціи, въ маленькомъ городкѣ на берегу моря, когда начались толки о войнѣ, съ первой минуты война считалась неизбежной, и я долженъ сказать по совѣсти,—желательной. „Мы или они“. Вотъ чувство, которое овладѣло всѣми. Слишкомъ надергала нервы французскаго народа долголѣтняя политика придирокъ, запугиваній и „угрозъ подъ условіемъ“ со стороны Германіи. Чѣмъ больше ей уступали, тѣмъ наглѣе и придирчивѣе она становилась. Въ Берлинѣ явно играли на страхъ всѣхъ передъ перспективой европейской войны, и форсировали эту игру до послѣдней степени. Въ послѣднихъ числахъ іюля нов. ст., Клемансо обнародовалъ свой разговоръ съ однимъ австрійскимъ политическимъ дѣятелемъ, который говорилъ: войны не будетъ. Но въ то время, какъ союзныя

¹⁾ „Нов. Вр.“, 6 августа с. г.

правительства дѣлали послѣднія, отчаянныя усилія, чтобы отвести грозу, народъ своимъ чуткимъ инстинктомъ уже зналъ, что война будетъ, и что она неизбежна. Онъ понималъ, что уступить на этотъ разъ—значитъ фактически отказаться отъ своей національной самостоятельности, передать свои государственныя судьбы въ руки властолюбивой Германіи. Этого безъ боя французскій народъ допустить не могъ. И онъ заранѣе принялъ вызовъ.

Отъѣздъ резервистовъ сопровождался восторженными оваціями. Пѣлись патріотическія пѣсни, которыхъ я до того никогда не слышалъ, развѣвались знамена, многократно повторялись крики: „Да здравствуетъ Франція!“ „Да здравствуетъ Россія!“

Совершенно не знали, выступить ли рядомъ съ нами Англія. Многіе въ этомъ открыто сомнѣвались. Но на Россію полагались, какъ на каменную гору. И эта увѣренность осталась невыблемой до настоящей минуты.

Когда телеграфъ принесъ извѣстіе, что Россія объявлена война, въ маленькомъ городкѣ съ минуты на минуту нетерпѣливо и лихорадочно стали ждать декрета о мобилизаціи. Съ утра до ночи толпились на площади передъ мэріей, нарасхватъ читали газеты, собирались группами, безъ различія классовъ и партій, знакомые и незнакомые, на гуляньи вдоль морского берега, обмѣнивались соображеніями и слухами. Лица, пріѣхавшія изъ Бордо, рассказывали, что тамъ арестовали трехъ нѣмцевъ, вооруженныхъ мѣшками съ пероксилиномъ, въ то время, какъ они собирались взорвать большой мостъ С.-Жанъ черезъ Жиронду, и что ихъ тутъ же расстрѣляли. За нѣмцами, которыхъ здѣсь, какъ вездѣ, было много множество (въ день объявленія мобилизаціи, изъ Біарица и окрестностей выѣхало, по испанской границѣ, 800 нѣмцевъ), было устроено самое строгое наблюденіе. Одного нѣмца, швейцара въ большой гостиницѣ, который похвалялся, что его „соотечественники завоюютъ всю Францію, потому что всѣ французы трусы“, рыбаки избияли до полусмерти. У всѣхъ была твердая увѣренность, которая и оправдалась, что Германія заготовила на всемъ пространствѣ французской территоріи своихъ агентовъ, чтобы начать „тыловую войну“, съ цѣлью помѣшать мобилизаціи. И если нѣмцамъ въ этомъ отношеніи нигдѣ не удавалось ничего сдѣлать, то это случилось только благодаря зоркой бдительности самого населенія.

Наконецъ, столь лихорадочно ожидаемый декретъ былъ полученъ. Это было въ часъ завтрака, когда на площади почти никого не было. Насъ было тутъ всего три—четыре человѣка, случайно задержавшихся. Подхватилъ мальчикъ-телеграфистъ, соскочилъ съ бикарета, и, быстро вбѣжавши по открытой каменной лѣстницѣ, исчезъ въ амбразурѣ большой двери мэріи. Минуту спустя, вышелъ мэръ, очень блѣдный, спустился внизъ и подалъ намъ роковой листокъ.

Его молча прочитывали. Ндругъ бывший тутъ старшій рыбакъ сказалъ:

— Что жъ, г. мэръ, надо бить въ набатъ.

Не дожидаясь отвѣта, онъ медленно поднялся по лѣстницѣ, на верху которой находился сводъ, въ видѣ воротъ, а поднимъ висѣлъ небольшой колоколъ, который когда-то звывалъ монаховъ къ молитвѣ, потому что мэрія помѣщалась въ бывшемъ монастырѣ. Рыбакъ отвязалъ полусгнившую веревку, колоколъ покачнулся и зазвенѣлъ хрупкимъ, надтреснутымъ звукомъ. Нѣсколько мгновений спустя, ему заворчали съ церковной колокольни, и воздухъ наполнился частымъ, густымъ и тревожнымъ трезвономъ, который какъ-будто звалъ на помощь. Народъ сталъ сбѣгаться со всѣхъ сторонъ, возбужденный, взволнованный. Бѣжали босоногіе рыбаки, бѣжалъ мясникъ въ одной рубахѣ, съ засученными рукавами, бѣжали простоволосыя торговки и дамы въ шляпкахъ, почтенные старики, молодые щеголи и дѣти. Мигомъ образовалась толпа. Лица были встревоженныя, и глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Откуда-то появился два знамени, французское и русское. Грянуло: „Vive la Russie! Vive la France!“ Мощный, молодой голосъ вативуль воинственный: „Allons, enfants, de la patrie“. Головы обнажились, и вся площадь, старые и молодые, женщины и дѣти подхватили воинственный гимнъ. И это пѣніе, подъ аккомпаниментъ колокольнаго звона, эти блѣдные лица, и горѣвшіе рѣшимостью глаза, эти поднятые кверху кулаки и привывы къ оружію производили потрясающее впечатлѣніе.

Двѣ партіи раздѣляли до того маленькій городъ: партія мэра (республиканцы) и партія противъ мэра (консерваторы и клерикалы). Вражда между ними доходила до того, что булочникъ, молочникъ, мясникъ и всякій другой торговецъ-консерваторъ, отказывались поставлять свои товары республиканцамъ и наоборотъ. Каждая партія имѣла свой оркестръ и праздновала свои праздники отдѣльно отъ другой.

Въ этотъ день вожакъ клерикальной партіи подошелъ, пу-

блично, на площади къ мэру и, протянувши ему руку, скавалъ:—Забудемъ раздоры. Будемъ помнить, что мы всё французы, и имѣемъ одинаковыя обязанности передъ отечествомъ.

Въ ознаменованіе состоявшагося союза въ этотъ вечеръ, оркестры враждебныхъ партій, еще утромъ, играли на площади гимны союзныхъ націй, и ораторы республиканцевъ и консерваторовъ призывали земляковъ къ борьбѣ съ общимъ врагомъ...

Не смѣйтесь. То, что произошло въ этотъ день въ этой крохотной ячейкѣ, произошло въ то же время на всемъ пространствѣ французской территоріи. Это былъ актъ того „union sacrée“, который только нѣсколько дней спустя былъ торжественно провозглашенъ въ историческомъ засѣданіи палаты и длится до сихъ поръ.

Нѣмцы, которые имѣли во Франціи столько соглядатаевъ, столько газетныхъ корреспондентовъ, которые десять разъ на день телеграфировали о самыхъ пустяковыхъ событіяхъ, и думали, что знаютъ Францію, не предвидѣли этого самаго крупнаго. Въ числѣ факторовъ, на которые они рассчитывали, чтобы побѣдить французовъ, не последнее мѣсто занималъ расчетъ на внутреннія междоусобія.

Японская газета „Ямато“¹⁾ продолжаетъ настаивать на необходимости отправить Японскую армію въ Европу.

Нѣмецкое засилье на Руси, по земельному вопросу и нѣмецкимъ торговымъ и акціонернымъ предпріятіямъ, стоитъ попрежнему на мертвой точкѣ. Членъ Государственнаго Совѣта, кн. А. И. Лобановъ Ростовскій предлагаетъ²⁾ создать особое высшее государственное установленіе: приходится теперь озаботиться созданіемъ такого высшаго государственнаго установленія, которому никакое правительственное мѣсто или лицо не дастъ предписаній и не можетъ требовать отъ него отчета, которое могло бы справиться съ трудной задачей борьбы съ вражескимъ засильемъ внутри страны. Такимъ установленіемъ могло бы быть пятое особое совѣщаніе, учреждаемое по образцу вышеприведенныхъ предлагаемыхъ Государственной Думой четырехъ особыхъ совѣщаній. Это пятое особое совѣщаніе, для

¹⁾ „Русск. Сл.“ 4 августа с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 6 августа 1915 г.

обсужденія и объединенія мѣропріятій по борьбѣ съ васьлемъ въ Россіи поданныхъ воюющихъ съ ней державъ, могло бы состоять изъ предсѣдателя, назначеннаго по непосредственному избранію Государя Императора, и изъ членовъ, избираемыхъ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой изъ своей среды, а также и изъ сенаторовъ.

На-ряду съ этимъ должны быть образованы мѣстные учрежденія для проведенія въ жизнь издаваемыхъ особымъ совѣщаніемъ мѣропріятій, подчиненныя въ порядкѣ падаора и руководства особому совѣщанію.

Жалобы и протесты, на рѣшенія мѣстнаго учрежденія, должны направляться въ особое совѣщаніе и имъ разрѣшаться окончательно.

Мѣстные учрежденія должны состоять изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей мѣстнаго управленія съ широкимъ привлеченіемъ въ ихъ среду представителей земства, городовъ, торговыхъ палатъ, биржевыхъ комитетовъ, кооперативныхъ союзовъ, сельскохозяиственныхъ обществъ и т. д., при чемъ эти мѣстные учрежденія должны быть вооружены всѣми способами повѣрки доказательствъ, предоставленными судебнымъ установленіямъ. Допросы свидѣтелей подъ присягой, обыскя, выемки, осмотры на мѣстѣ и допросы околныхъ людей—все это нынѣ не можетъ быть достигнуто.

Вотъ какіе порядки были обнаружены въ маѣ текущаго года, въ митавской больницѣ общественаго призрѣнія, при внезапномъ осмотрѣ больницы со стороны властей, не подчиненныхъ губернатору ¹⁾.

„При осмотрѣ палатъ оказалось, что вмѣстѣ съ двумя германцами, въ одной палатѣ, находился нашъ больной солдатъ, котораго перевели въ другой лазаретъ; остальные наши раненые и больные солдаты въ числѣ 17 человекъ помѣщаются въ другихъ палатахъ. Германцы содержатся въ чистомъ бѣльѣ и бѣлыхъ чистыхъ повязкахъ и, несмотря на тяжкія раненія, имѣютъ здоровый и бодрый видъ. Даже раненый шпіонъ, благодаря хорошему уходу, совершенно оправился и можетъ быть удаленъ изъ больницы. Ничего хорошаго не замѣчено по отношенію къ нашимъ русскимъ солдатамъ: въ тифозномъ отдѣленіи помѣщается казакъ и другой солдатъ. Спятъ они въ

¹⁾ „Нов. Вр.“, 5 августа с. г.

грязныхъ постеляхъ, покрывшись шинелями, никакого питья имъ не поставлено и въ палатѣ холодно, чѣмъ въ другихъ. Изъ негласнаго опроса, обслуживающихъ больницу служителей, подтвердилось, что германцы и шпионъ пользуются полнымъ вниманіемъ старшаго врача и сестеръ милосердія—нѣмокъ: если русскому отпускаютъ одно яйцо, то германцамъ и шпиону даютъ по четыре и т. п. Получаютъ (германцы) также шоколадъ, фрукты и виноградъ, и при нихъ дежурятъ поочередно сестры милосердія нѣмки“.

Петроградскій обыватель не принадлежитъ ни къ правымъ, ни къ лѣвымъ, ни къ партіямъ центра Государственной Думы, а какъ подобаетъ безпристрастному сотруднику историческаго журнала, находится въ составѣ той необъятной партіи Россіи, которая больше всего на свѣтѣ любитъ свою родину. Поэтому ему, простому обывателю, не стѣсненному партійными шорами, старающимися смотрѣть на событія подъ опредѣленнымъ угломъ партіонныхъ взглядовъ, представляется гораздо легче разобраться въ томъ интересномъ историческомъ событіи, какъ проходилъ въ Государственной Думѣ вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ. Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что изъ всего числа членовъ Государственной Думы на заявленіи объ образованіи комиссіи для борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ и по дороговизнѣ подписалось всего только 37 человекъ. Цифра эта очень показательна. Давняя рѣчи въ Г. Думѣ по этому поводу, весьма искусно сгруппированныя и пронесенныя А. Н. Хвостовымъ съ большимъ подъемомъ и часто прерываемыя рукоплесканіями, уже неоднократно появлялись на страницахъ замѣтокъ петроградскаго обывателя; почему мы ихъ повторять не будемъ за исключеніемъ слѣдующаго мѣста, намъ совершенно неизвѣстнаго.

„Вся русская печать, отъ правыхъ до лѣвыхъ органовъ, указывала не разъ, какимъ путемъ ведется нѣмецкій шпионажъ. Мясоѣдовъ устраивалъ его по германскому рецепту, согласно которому во главѣ промышленныхъ и пароходныхъ предпріятій ставилась преданная, нужная для шпионажа лица. Вся печать требовала обратить вниманіе на германскія промышленныя предпріятія. Во Франціи и въ Англіи эти предпріятія секвестровали, а у насъ все ограничилось тѣмъ, что министръ финансовъ внесъ законопроектъ о прекращеніи выдачи промышленныхъ свидѣтельствъ. А какъ ликвидируются нѣмецкія пред-

пріятія,—вы, господа, сами знаете. Огромныя торговныя заведенія, съ полуторамилліоннымъ капиталомъ, сбываются чуть ли не за сто рублей какому-нибудь племяннику ифмца-владѣльца, который продолжаетъ дѣло на прежнихъ основаніяхъ.

Промышленныя предпріятія министръ финансовъ находитъ необходимымъ оставить въ рукахъ ифмцевъ, потому что они нужны, якобы, для работъ по государственной оборонѣ. Между тѣмъ, самъ министръ финансовъ указываетъ, что „находящіеся въ Россіи подданные воюющихъ съ нами державъ изобличаются во враждебныхъ ей дѣйствіяхъ, начиная отъ прямого шпіонажа и кончая возбужденіемъ разнаго рода неудовольствій среди рабочихъ“. Такимъ образомъ, самъ министръ финансовъ призываетъ находящихся въ Россіи германскихъ подданныхъ вредными для Россіи, но далѣе онъ пишетъ: „Однако, разсматриваемыя мѣры (т.-е. конфискація или секвестрація этихъ предпріятій) существенно затрогиваютъ интересы русскихъ торгово-промышленныхъ и банковыхъ круговъ, въ виду тѣсной ихъ связи съ германскими и австрійскими предпріятіями. Вслѣдствіе этого, эти предпріятія надлежитъ оставить въ покоѣ»¹⁾.

Во время преній по поводу рѣчи Хвостова факты ифмецкаго засилья подтвердилъ извѣстный эваторъ прибалтійскихъ дѣяній кн. С. П. Мансуревъ.

Депутаты Ѡ. Адриановскій и М. А. Карауловъ привели возмутительные факты ифмецкаго засилья на тѣхъ заводахъ, гдѣ на государственную оборону работаютъ ифмцы, а крестьянскій депутатъ К. А. Тарасовъ свою рѣчь по этому поводу закончилъ такъ: „освобожденіе отъ ифмецкаго засилья крестьяне приравниваютъ къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“.

Представители отъ правительства дали нѣкоторыя разъясненія по поводу нѣкоторыхъ фактовъ о ифмецкомъ засильи.

По вопросу о ифмецкомъ засильи думскій центръ безмолвствовалъ.

Со особой страстностью противъ смысла предложенія законопроекта о ифмецкомъ засильи говорили кадеты, съ нѣкоторыми иезувитскими приемами, и совершенно открыто крайніе лѣвые.

Общій смыслъ построенія всѣхъ этихъ рѣчей заключался въ извѣстномъ изреченіи Св. Евангелія: „Иаъ Назарета можетъ ли быть что доброе“.

¹⁾ „Русск. Слово“ 4 августа с. г.

Предложеніе о нѣмецкомъ засильи внесено правыми, утвержденными, въ прежнее время, судя по нѣкоторымъ, приведеннымъ въ рѣчахъ, фактамъ, о своей приверженности къ Германіи, а потому можетъ ли быть что доброе изъ Назарета. Далѣе очень тонко проводилась мысль о томъ, что обсужденіе нѣмецкаго засилья противорѣчитъ вопросу о равноправіи національностей, вѣротерпимости, и опасности для разрѣшенія аграрнаго вопроса отнятіемъ земель у нѣмцевъ.

Наиболѣе характерными были рѣчи Керенскаго и представителя прибалтійцевъ барона Мейндорфа.

Историческую дѣятельность нѣмецкихъ колонистовъ, о которыхъ, повидимому, не могло бы быть иной рѣчи, А. Э. Керенскій характеризуетъ такъ ¹⁾:

„Кто же эти нѣмецкіе крестьяне-колонисты? Тѣ ли это насильники, тѣ ли представители нѣмецкой политики, мысль которыхъ сковывала русскую политическую мысль, свободу и русскую государственность? Нѣтъ, это тѣ, которыхъ привзвали Екатерина и Александръ I въ то время, когда херсонскія и крымскія земли лежали втуне, для того, чтобы они ихъ культивировали, создали ховяйство и богатство страны, которые 150 лѣтъ клали туда свою жизнь, свой трудъ, вмѣстѣ съ нами создали силу и мощь Русскаго государства“.

Депутатъ этотъ „отъ имени своихъ друзей рѣзко заявляетъ, что трудовая группа будетъ голосовать противъ предложенія правыхъ, о созданіи комиссіи для борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ, считая предложеніе это грубой и скверной демагогіей“.

Членъ Государственной Думы баронъ А. Э. Мейндорфъ въ началѣ своей рѣчи заявляетъ радость по поводу учрежденія комиссіи борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ, такъ какъ у насъ будетъ и такая инстанція, передъ которой мы будемъ имѣть возможность излагать факты такъ, какъ они въ дѣйствительности есть ²⁾.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь депутата касается прибалтійскаго засилья, его рѣчь очень слаба. Относительно рѣчи кн. Мансырева о прибалтійскомъ засильи баронъ говоритъ, что огромный процентъ фактовъ, которые онъ выдвигаетъ является недостаточно достовернымъ. По нашему обывательскому мнѣнію прибалтійскому депутату надлежало сказать—это неправда, что нѣкоторые изъ прибалтійскихъ бароновъ съ радостью встрѣ-

¹⁾ „Рус. Сл.“ 4 августа с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“, 5 августа с. г.

чали германскія войска, это неправда, что нѣкоторые изъ прибалтійскихъ бароновъ давали цѣнныя свѣдѣнiя для германцевъ и теперь находятся среди германскихъ войскъ, это неправда, что нѣкоторые изъ братьевъ и сыновъ прибалтійскихъ бароновъ служатъ офицерами въ германскихъ войскахъ, это неправда, что нѣкоторые изъ прибалтійскихъ бароновъ воспретили своимъ работникамъ уничтожать посѣвы и т. д.

Но объ этого сказать не могъ, а привелъ единичный фактъ, какъ дурно обращаются съ прибалтійскимъ барономъ, заподозрѣннымъ въ шпіонствѣ, о томъ, какъ поголовно выселяются въ Волынской губ. всѣ нѣмецкіе колонисты, и въ то же время забывается, что ихъ сыновья были взяты въ войска. Сыновья берутся, ими пользуются какъ военной силой, а всю семью высылаютъ. Но этого мало.

Трудно повѣять обывателю, что же надо дѣлать русскимъ властямъ: или не выселять колонистовъ или не брать колонистовъ на службу въ войска.

За то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь шла о догматахъ кадетскаго исповѣданiя, то она отличается двумя сильными мѣстами: бросьте русскому народу кость нѣмецкихъ колоній, бросьте ему кость добраго имени русскихъ нѣмцевъ, быть можетъ онъ на этомъ успокоится.

Подумайте одну минуту еще и о слѣдующемъ: многіе изъ васъ относятся снисходительно, а многіе одобрительно къ тѣмъ драконовскимъ мѣрамъ, которыя примѣняются къ русскимъ евреямъ. Выселеніе 500 тыс. человекъ—это мѣра драконовская и для меня въ высокой степени противная и отвратительная.

Эти мѣста произвели, повидимому, на многихъ членовъ Государственной Думы сильное впечатлѣніе: умѣнье дискредитировать среди присутствовавшимъ нежелательное предложеніе брошенной костью „добраго имени русскихъ нѣмцевъ“ и жгучимъ еврейскимъ вопросомъ.

Можно съ полной достовѣрностью предположить, что въ будущее время на платформахъ многихъ партій новыхъ думскихъ вѣяній борьбы противъ нѣмецкаго засилья не появится.

6 августа. „Латышская газета „Rīgas Ziņas“ сообщаетъ, что при вступленіи германцевъ въ им. В., владѣлецъ имѣнiя, баронъ N, выслалъ навстрѣчу германскому отряду шесть воору-

женныхъ колонистовъ, которые обязаны были, въ случаѣ встрѣчи съ казаками, выдать себя за латышскихъ работниковъ. По приказанію барона N., латыши принуждены были выдать всѣ велосипеды и оружіе; въ случаѣ отказа, баронъ пригрозилъ сжечь всѣ латышскія усадьбы¹⁾.

Въ комиссію слѣдственную доставленъ протоколъ опроса прапорщика Василя Ерунова, который показалъ слѣдующее. Онъ участвовалъ въ бояхъ въ Галиціи у селенія Татарина. Въ сажняхъ 300 отъ селенія Татарина, была обнаружена сгорѣвшая хата и среди сгорѣвшаго матеріала Еруновъ замѣтилъ около 30 труповъ, часть которыхъ такъ сильно обгорѣли, что нельзя было отличить ни лица, ни другихъ частей тѣла; у 5—6 труповъ, которые обгорѣли не такъ сильно, остались куски верхней одежды, по которымъ можно было опредѣлить съ достовѣрностью, что одинъ изъ труповъ былъ офицеръ, а остальные солдаты нашей арміи²⁾.

7 августа. Въ „Вечернемъ Времени“ отъ 7 августа с. г. напечатанъ интересный документъ:

„Въ статьяхъ о Мясоѣдовѣ упоминалась между прочимъ фабрика, директоромъ которой онъ состоялъ. Къ намъ въ редакцію прислано печатное извѣщеніе „Русскаго акціонернаго общества целлюлозной фабрики Вальдгофъ“, которое считаемъ не лишнимъ привести дословно.

М. Г.

Правленіе русскаго акціонернаго общества целлюлозной фабрики Вальдгофъ сямъ доводитъ до вашего свѣдѣнія, что общимъ собраніемъ акціонеровъ 2 сего ноября членами правленія избраны:

Тайный совѣтникъ Василій Петровичъ Назаровъ,
Дѣйств. стат. сов. Оттонъ Гевриховичъ Фрейнатъ,
Тайный совѣтникъ Павелъ Викентьевичъ Кухарскій,
Генераль-маіоръ Константинъ Дмитріевичъ Дуплицкій,
Личн. почетн. гражд. Альфредъ Федоровичъ Тиме, а кандидатами въ члены правленія:

Дѣйств. стат. сов. Оскаръ Александровичъ Бракманъ,

¹⁾ „Нов. Вр.“, 8 августа сего года.

²⁾ Тамъ же.

Полковникъ Сергій Николаевичъ Мисоѣдовъ.

Директорами-распорядителями нашего общества намѣчены:

Адольфъ Фридриховичъ Лембергъ и

Георгій Маврикіевичъ Россманъ.

Кромѣ того предоставлено право подписывать отъ имени общества:

Герману Андреевичу Югансену и

Гуго Гуговичу Мюльбергу.

Завѣдывающими нашими лѣсными конторами назначены:

Въ гор. Петроградѣ—Бруно Георгіевичъ Прокопе.

Въ гор. Великихъ Лукахъ—Юліусъ Юльевичъ Мюллеръ и
Германъ Андреевичъ Югансонъ.

Въ гор. Архангельскѣ—Яковъ Алексѣевичъ Прокопьевъ и
Гаральдъ Адольфовичъ Динесъ.

Въ гор. Онегѣ—Николай Ивановичъ Королевъ и

Въ гор. Сердоболѣ—Аксель Юганновичъ Аньелинъ.

Обращаемъ вниманіе на, помѣщенные на оборотѣ сего, подписи членовъ правленія, директоровъ-распорядителей, уполномоченныхъ и завѣдывающихъ конторами. Уполномоченные пользуются правомъ подписывать отъ имени общества лишь совместно съ однимъ изъ членовъ правленія или директоровъ-распорядителей. Завѣдующіе лѣсными конторами будутъ подписывать самостоятельно на основаніи общей довѣренности.

Правленіе Русскаго Акціонернаго Общества Целлюлозной фабрики Вальдгофъ⁴⁾.

Петербургъ, 15 ноября 1914 г.

9 августа. „По распоряженію главнаго начальника кіевского военного округа всякія суммы, принадлежащія компаніи Зингеръ, въ томъ числѣ платежи за проданныя въ разсрочку машины, должны вноситься въ казенную палату“¹⁾).

Таковы распорядки въ Кіевѣ, въ Петроградѣ иное: зданіе сей компаніи горделиво высятся передъ Казанскимъ соборомъ и продажа производится немедленно и безпрепятственно каждому. Оно и не мудрено: компанія Зингеръ поставляетъ швейцарскія машины въ важныя учрежденія и важнымъ лицамъ.

10 августа. Въ Петроградѣ, на улицахъ, радостныя манифестаціи. Петроградъ проживаетъ радостное время при полу-

¹⁾ „Нов. Вр.“, 9 августа сего года.

ченіи извѣстій о пораженіи германскаго балтійскаго флота, въ его полномъ составѣ, въ Рижскомъ заливѣ, съ потерями 11 германскихъ вымпеловъ. У насъ, въ неравномъ бою, погибла геройски канонерская лодка „Сивучь“.

11 августа. Читая непрестанныя описанія о часто скотскихъ звѣрствахъ нѣмцевъ, всегда надо имѣть въ виду, что сказала одна высокопоставленная дама про нѣмцевъ. — Нѣмецъ это не человекъ—это чортъ; это былъ отвѣтъ на вопросъ, какъ могли культурные нѣмцы, обитатели страны Гете, Канта и Шиллера, свзойти до такихъ варварствъ. Намъ кажется, что наилучшей иллюстраціей души—чорта-нѣмца будетъ слѣдующее описаніе Н. Кравченко, рассказанное однимъ офицеромъ и воспроизведенное въ „Новомъ Времени“ 11 августа сего года:

— Я нѣмца знаю. Я узналъ душу его уже давно, лѣтъ четырнадцать назадъ, еще будучи въ Китаѣ, и съ тѣхъ поръ кромѣ отвращенія эти люди не могутъ вызывать у меня иного чувства. Хотите расскажу?

У меня былъ великолѣпный австраійскій конь. Купилъ у какого-то англичанина. Рѣзвый, сильный, счастливо пережившій все время защиты Тяньцзяна. Я его очень любилъ и вмѣстѣ съ нимъ проводилъ ежедневно по нѣскольکو часовъ вдали отъ города, отъ той смѣшанной, многоязычной толпы, которой была набита вся европейская часть. Однажды, когда его чистили, во дворѣ, вбѣжала бѣшеная собака, бросилась на коюха, а затѣмъ на коня, вцѣпившись въ его погу. Собаку убили. Всѣ врачи, узнавъ объ этомъ случаѣ, совѣтовали мнѣ поскорѣе кончить съ конемъ, который, вбѣсившись, могъ надѣлать много бѣдъ. Скрѣпя сердце, я, конечно, согласился, но старался отдалить эту тяжелую минуту. Ходилъ къ нему по утрамъ, ласкалъ, кормилъ его сахаромъ, смотрѣлъ въ его большіе красивые глаза, какъ-то особенно грустно смотрѣвшіе на меня, и съ тяжелымъ чувствомъ покидалъ его.

Какъ-то, утромъ, мой бой доложилъ мнѣ, что пришелъ какой-то нѣмецкій офицеръ. Щелкнувъ шпорами, онъ отрекомендовался. Пригласивъ его сѣсть, я спросилъ: чѣмъ могу служить?

Поминутно сбиваясь, онъ началъ говорить о случаѣ съ моею лошадыю, о томъ, что всѣ говорятъ объ этомъ въ концесіи и т. п. Мнѣ неприятно было продолжать разговоръ на эту тему, и я сухо спросилъ его: чего онъ собственно хочетъ? Лицо его сдѣлалось серьезно и, глядя на меня, онъ сказалъ:

— И хотѣлъ бы просить у васъ, господниъ капитанъ, разрѣшить мнѣ убить вашу лошадь.

Неожиданность такой фразы заставила меня всего передернуться.

Молча и въ недоумѣнн просматрѣлъ я ему въ глаза, въ эти бездушные сѣрые зрачки, которые такъ упорно уставились на меня.

— Въдѣ все равно—сегодня или завтра вамъ придется это сдѣлать, продолжалъ онъ, выждавъ нѣсколько секундъ. Я слышалъ, что вы любите вашего коня, и съ удовольствіемъ избавлю васъ отъ необходимости самому его убить.

Я согласился, и онъ ушелъ. Не буду вамъ говорить, что я чувствовалъ съ этого момента, но какое-то странное, тревожное чувство не давало мнѣ покоя и, въ тотъ день, когда это должно было совершиться, я поѣхалъ за ипподромъ, гдѣ должны были закопать моего коня, поѣхалъ раньше — хотѣлъ проститься съ нимъ...

Но я опоздалъ. Еще издали я видѣлъ толпу китайцевъ и китайчатъ вмѣстѣ съ нѣсколькими солдатами, окружившими моего бѣднаго коня, привязаннаго къ столбу. Я выдвѣвъ изъ рикши и незамѣтно подошелъ къ своему конюху, стоявшему немного дальше. Въ это время нѣмецъ осторожно оглаживалъ хрипѣвшаго и пугливо на него оглядывавшагося коня, хлопалъ его по доснящейся упругой шеѣ и расправлялъ гриву.

— Отъ,—сорвалось у моего вѣстового, изъ глазъ котораго текли слезы.—Только мучаетъ.

Спазмы сдавливали и мое горло. Я хотѣлъ было повернуть назадъ и не могъ,—точно меня приковали къ землѣ.

Нѣмецъ отошелъ шаговъ на тридцать назадъ, все время не спуская своихъ глазъ съ дрожавшаго коня, не глядя, взялъ изъ рукъ своего денщика двуствольный штуцеръ и приложился. Потомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, приложился опять, мучительно долго прицѣлывался и... выстрѣлилъ...

Мой бѣдный конь взвился на дыбы. По груди потекла струйка темной крови. Онъ сталъ бросаться изъ стороны въ сторону, но оторваться не могъ. Нѣмецъ нѣсколько разъ прикладывался, потомъ подбѣжалъ къ нему ближе и, какъ-то странно подпрыгивая, что-то говорилъ. Я не замѣтилъ, какъ растолкалъ толпу и вышелъ впередъ, весь дрожа и готовый каждую минуту броситься на этого палача, въ глазахъ котораго явилось какое-то дикое, злобное выраженіе.

Улучивъ минуту, когда конь твердо сталъ на всѣ четыре

ноги, нѣмецъ, не обращая вниманія на то, что передъ нимъ были китайцы, выстрѣлилъ еще разъ. Конь упалъ. Но сейчасъ же сталъ на переднія ноги и тихо заржалъ. Мнѣ показалось, что изъ глазъ его потекли слезы, а можетъ—онъ просто вспотѣлъ, не знаю.

Проклятый нѣмецъ, что-то бормоча себѣ подъ носъ, полѣвъ дрожащей рукой въ карманъ за патронами и сталъ заряжать свой штуцеръ. Но я опередилъ его: довольно грубо оттолкнувъ, подбѣжалъ къ моему бѣдному Васькѣ, прижалъ его вдругъ пригнѣвшаго, голову къ себѣ, поцѣловалъ въ чолку и, сунувъ дуло браунинга въ ухо, выстрѣлилъ. Онъ взметнулся вверху, упалъ на бокъ и сталъ вытягивать свои упругія ноги...

Ни на кого не глядя, я прошелъ къ рившѣ и въ тотъ же день уѣхалъ въ Артуръ. Съ тѣхъ поръ я никогда не бывалъ среди нѣмцевъ".

12—15 августа. Оригинальное отношеніе Италіи къ нашему союзу. Италіанцы воюютъ съ австрійцами и не воюютъ съ германцами; говорятъ, что, переодѣтые австрійцами, германцы воюютъ въ австрійскихъ войскахъ противъ италіанцевъ.—Это предположеніе имѣетъ полный характеръ достовѣрности, такъ какъ теперь германцы не пускаютъ нигдѣ самостоятельно сражаться австрійцевъ и вездѣ часть офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и германскихъ солдатъ влѣзаютъ въ видѣ кадра въ каждую австрійскую часть.

Въ это же время германскій посланникъ мирно живетъ въ Римѣ и по германскому обычаю изощряется въ шпионскихъ дѣяніяхъ. Довольно странная картина. Италіа по сіе время также въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Турціей; тоже изумительно.

Въ „Вечернемъ Времени“ отъ 12 августа, такъ описывается неравный, геройскій бой „Сивуча“ 6 августа с. г.

Изъ всей нашей эскадры, работавшей въ Рижскомъ заливѣ, „Сивучъ“ и „Кореецъ“ обладали наименьшей скоростью хода, что въ значительной степени затрудняло совмѣстныя дѣйствія канонерокъ съ миноноснымъ флотомъ. Малочисленность нашихъ силъ кромѣ того ваставила наши миноносцы дѣлать быстрые переходы съ одного мѣста на другое, чтобы парализовать дѣйствія нѣмцевъ. Поэтому „Кореецъ“ и „Сивучъ“ предоставлены

были самимъ себѣ и должны были надѣяться на свои силы, если поблизости не оказывалось поддержки со стороны нашихъ быстроходныхъ судовъ.

На мостикѣ „Сивуча“ и „Корейца“ стояли командиры съ биноклями въ рукахъ. Дозорные слѣдили, не покажутся ли на горизонтѣ дымки, не скользнетъ ли гдѣ подводная лодка.

Ничего не было видно. Выжидательное настроеніе слегка улеглось. Машинамъ дали средній ходъ. Люди разбрелись по каютамъ, кромѣ часовыхъ, и потихоньку разговаривали о нѣмцѣ.

„Сивучъ“ съ „Корейцемъ“ сговорились идти вмѣстѣ, другъ за другомъ, при чемъ „Сивучъ“ пошелъ впереди.

До 8 часовъ вечера шли среднимъ ходомъ по пустынному морю. Отъ Риги осталось разстояніе 60 миль, до берега было 25 верстъ. Шли почти посрединѣ Рижскаго залива.

Стало уже темнѣть, и началъ спускаться легонькій вечерній туманъ. Сквозь него все-таки можно было различить линію горизонта. Ходу не прибавляли. Къ вечеру настроеніе опять сдѣлалось тревожнымъ. Подходили какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ утромъ предполагались непріятельскія суда.

Стали внимательнѣе всматриваться въ туманъ. Люди по-притихли.

— На горизонтѣ дымокъ виденъ въ туманѣ!—проислось по всей командѣ.

Солнце зашло, стало темнѣть, туманъ стучался.

— Показалось!—подумали всѣ, напряженно всматриваясь въ указанную сторону.

Вдругъ сбоку полилась свѣтлая лента сквозь туманъ и стала щупать по всѣмъ направленіямъ море.

Съ вышки донесли, что сквозь туманъ едва виденъ крейсеръ. Не могли только различить ясиѣ. Кажется, трехтрубный.

Нашъ или не нашъ? Можетъ быть, въ подмогу идутъ.

Минуты двѣ жуткая свѣтлая лента описывала гигантскіе круги отъ центра, повыше горизонта.

Двѣ минуты еще, и ослѣпительный огненный глазъ мигнулъ на „Корейца“, остановился. Видно было, что онъ быстро приближался.

— Нѣтъ, не нашъ! нѣмецъ!

— Полный ходъ впередъ, орудія готовы!

Крейсеръ шелъ на „Корейца“ съ кормы, нѣсколько сбоку. Блеснули огни, раскатился первый залпъ. Надъ „Корейцемъ“ пролетѣли съ визгомъ снаряды и упали за бортомъ, поднявъ столбы воды.

— Господи, благослови!—пронеслось по командѣ.

Раздался второй залпъ. Снаряды опять дали перелетъ. „Кореецъ“ далъ полного хода впередъ. Но 12 узловъ и 28 ясно показывали, что нашему удальцу не уйти. Надо было принять бой.

— Бѣглый огонь всѣхъ орудій пли!—скомандовалъ командиръ, когда крейсеръ подошелъ ближе. „Кореецъ“ задрожалъ, загудѣлъ, зашѣли его снаряды. Остовъ судна дрожалъ отъ стремительнаго напряженія котловъ. Былъ давнъ полный паръ.

Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ носовой пушки „Корейца“ разбили глазъ нѣмецкаго великана. На крейсерѣ показалось пламя: на кормѣ вспыхнули электрическіе провода.

„Иду къ вамъ“, сообщилъ „Сивучъ“. Онъ ушелъ далеко впередъ и теперь, видя, что нѣмецъ нагналъ „Корейца“, сворачивалъ вправо и шелъ назадъ на помощь „Корейцу“.

Съ праваго борта миноносцы! Изъ тумана вынырнули три германскихъ миноносца. Это было неожиданно, но „корейцы“ не растерялись. Заговорилъ правый бортъ. Подоспѣлъ „Сивучъ“ и тоже началъ огонь по миноносцамъ и крейсеру.

Но было ясно, что участь нашихъ удальцовъ рѣшена.

Огромный трехтрубный нѣмецкій крейсеръ подошелъ на 4 кабельтовыхъ и буквально ревелъ, а не стрѣлялъ. Бѣглымъ огнемъ онъ непрерывно сыпалъ градъ снарядовъ, точно изъ пулемета. Шестидюймовые снаряды ложились все ближе и ближе. Съ другой стороны летѣли снаряды съ миноносцевъ.

Боялись минъ. Внимательно слѣдили, не забороздятъ ли градки воды, чтобы увернуться отъ пущенной мины. Но минъ нѣмцы не пускали. Все равно, рѣшили, и такъ добьютъ.

„Кореецъ“ рванулся впередъ, „Сивучъ“ обогнулъ его корму и пошелъ свадю. Крейсеръ подошелъ еще ближе къ „Сивучу“—на 200 сажень и стрѣлялъ въ упоръ, „Кореецъ“ уходилъ, со вѣтуя „Сивучу“ также дать полный ходъ. Нѣмцы сосредоточили весь огонь на „Сивучѣ“. Съ „Корейца“ видно было, какъ корпусъ „Сивуча“ вздрогнулъ, ходъ его уменьшился, и онъ остановился.

Нѣмецкіе снаряды разбили его машину, „Сивучъ“ былъ обреченъ. Казалось, что онъ развалится отъ своей же стрѣльбы. Маленькій герой не стрѣлялъ, а буквально надрывался отъ стрѣльбы.

Но это былъ предсмертный бой...

Видя, что „Сивуча“ не спасти, „Кореецъ“ далъ полный ходъ впередъ. На кормѣ столпились люди и, несмотря на

страшный адъ артиллерійскаго огня, наблюдали на сверхгеройскими усиліями „Сивуча“.

Сердце разрывалось отъ боли при видѣ гибели его и при видѣ предсмертной борьбы. Помочь нельзя было. Спасти кого-нибудь,—объ этомъ не могло быть и рѣчи. Вокругъ „Сивуча“ море пѣнилось и бурлило, какъ бурный потокъ, осколки, снаряды, обломки судна разлетались страшными брызгами далеко впередъ.

Мигъ—и не стало трубъ, точно срѣзало ихъ. Мачты рухнули, какъ перышки, съ пазубы была слесены борта. Залпъ на валпомъ били нѣмцы крошечное судно.

Взрывы, дымъ, столбы пламени. Изрѣдка среди ада пламени рева и дыма мелькала человѣческая фигура. Наблюдателямъ видно было, что дѣлалось на суднѣ.

„Сивучъ“ сдаться не хотѣлъ. Но какъ онъ боролся!

Была ли когда-нибудь такая борьба? Врядъ ли. Мори не видали „этого“. У нѣмца ошибли прожекторъ. Стало темно. Вдругъ сверху появился снопъ ровнаго свѣта.

— Аэропланы!.. Пулеметы, пли! На „Корейцѣ“ заработали пулеметы. Въ первый моментъ напряженные нервы поддались обману.

Ошиблись. Нѣмцы пустили нѣсколько ракетъ-фонарей, когда у нихъ ошибли прожекторъ.

„Сивучъ“ былъ въ огнѣ, загорѣлся. На немъ былъ вихрь обломковъ и осколковъ. Онъ шатался и уже началъ опускаться медленно внизъ.

Но стрѣлялъ еще сильнѣе. Видно было, какъ у орудій суетились люди, стрѣляли, падали, исчезали въ пламени.

Вода уже поднимается къ бортамъ „Сивуча“. Залпъ съ него, и два миноносца запылали, пробовали бѣжать, но какъ-то неуклюже, зарываясь въ воду. Взрывъ, другой, и они пошли ко дну.

„Сивучъ“ отстегнулъ за себя...

Еще пара залповъ, и на нѣмецкомъ крейсери свалилась труба, взвился градъ обломковъ.

Вода на „Сивучѣ“ подымалась къ бортамъ. Люди были въ водѣ. По колѣно уже. Еще одинъ залпъ блеснулъ изъ уцѣлѣвшихъ орудій. Оставшіеся въ живыхъ, люди ни на секунду не потерялись. Стоя въ подѣ, еще заряжали орудія, наводили и стрѣляли.

Третій нѣмецкій миноносецъ ударился въ бѣгство, хотя агонія „Сивуча“ и могла бы воодушевить его...

Крейсеръ умѣрилъ нѣсколько стрѣльбу, когда „Сивучъ“

сталъ кормой погружаться въ воду. Орудія стрѣляли почти изъ воды.

Вотъ уже носъ поднялся кверху, корма скрылась подъ водой.

Съ кормы уходящаго „Корейца“ видно было въ бинокль, какъ „Сивучъ“ погружался. Сорокапятиминутный бой заканчивался...

Изъ воды уже смотреть только конецъ носа съ пушкой на немъ.

Вдругъ почти изъ воды изъ носовой пушки блеснулъ выстрѣлъ.

„Сивучъ“ падъ. Последняя черточка его носа ушла въ воду. Последний выстрѣлъ былъ прощальнымъ салютомъ.

На „Корейцѣ“ плакали, видя гибель судна, крестились.

Въ видѣ столба воды, поднятый уходящимъ внизъ „Сивучомъ“, и падъ нимъ по морю разошлись кругя...

Надъ его вѣчнымъ покоемъ...

Вѣчная память, вѣчный покой и вѣчная слава героямъ „Сивуча“.

Очевидцы съ „Корейца“, передавшіе намъ свои впечатлѣнія, рассказывали, что нѣмецкій крейсеръ пустился за ними въ погоню, но потерялъ ихъ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ былъ взорванъ англійской подводной лодкой,—ходятъ такіе слухи.

Тогда „Сивучъ“ отмщенъ вдесятеро“...

Въ крѣпости Ковно въ нѣкоторыхъ подвалахъ обнаружены подземные телефоны, которыми очевидно нѣмцы искусно пользовались для веденія переговоровъ черезъ границу. Въ домахъ нѣкоторыхъ бывшихъ германскихъ подданныхъ, внезапно уѣхавшихъ передъ самымъ объявленіемъ войны, надо полагать, были оборудованы станціи безпроводнаго телеграфа.

Нѣмцами въ большихъ размѣрахъ предпринята колонизація занятой части Курляндіи, не только либавскаго и вивдавскаго раіоновъ, но и раіона между Митавой и Муравьевомъ. Пріѣзжимъ колонистамъ даются усадьбы крестьянъ-латышей. Колонисты сѣшно заняты уборкой ржи и пшеницы. Изъ Германіи присланы машины. Оставшимся крестьянамъ колонисты говорятъ, что все будетъ отобрано отъ нихъ и дано колонистамъ въ вѣчное владѣніе ¹⁾.

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“, 13 августа с. г.

По сообщенію газеты „*Janpais Wahrds*“, арестованъ баронъ Рейнхардъ Фрейтагъ фонъ-Лоринговенъ, проживавшій въ своемъ имѣніи „Скулте“, Лифляндской губ., Вольмарскаго уѣзда. Еще прошлою осенью, какъ извѣстно, бывшій лифляндскій губернаторъ, Звегинцевъ, подвергъ административному взысканію многихъ латышей, которые, участвуя въ патриотической манифестаціи, съ пѣніемъ русскаго національнаго гимна, проходя мимо дачи барона Фрейтага фонъ-Лоринговена, осмѣлялись закричать: „долой Германію“. Два другихъ Фрейтага фонъ-Лоринговенъ—лейтенанты германской арміи и сражаются въ настоящее время на прибалтійскомъ фронтѣ. Пять дѣтъ тому назадъ по воскреснымъ днямъ въ имѣніи Лоринговена „Скулте“ проповѣдывалось ученіе, основная идея котораго заключалась въ томъ, что скоро съ запада явится новый король и свой народъ присоединитъ къ своему государству. Тѣ же проповѣди часто повторялись въ Нейбаденѣ въ извѣстной общинѣ „Бетанія“ (Betanija). Сообщенія газетъ тогда ни къ чему ни привели. Новая вѣра уже проявила въ мѣстныхъ нѣмецкія школы, которыя на счастье быстро закончили свое существованіе. Все это такъ мало похоже на завѣреніе барона Мейндорфа ¹⁾.

За свои рѣшительныя выступленія и призывы къ борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ кн. С. П. Мансыревъ былъ вынужденъ покинуть фракцію к.-д. не по своему желанію.

На дняхъ князь Мансыревъ вступилъ во фракцію прогрессивовъ, куда онъ принятъ былъ даже безъ баллотировки, такъ какъ ни одного возраженія противъ вступленія его въ ряды фракціи не было сдѣлано ²⁾.

Вчера въ залѣ Петровскаго училища состоялось 4-е чрезвычайное общее собраніе членовъ общества 1914 года, для обмѣна мнѣній по вопросу о способахъ борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ ³⁾.

Собраніе, открытое предсѣдателемъ совѣта общества В. П. Кочубеемъ, единогласно избрало своимъ предсѣдателемъ члена Гос. Думы кн. С. П. Мансырева и секретаремъ В. А. Бѣляева.

¹⁾ „Новое Время“, 13 августа с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“, 15 августа с. г.

³⁾ „Веч. В.“, 15 августа с. г.

Въ вступительномъ словѣ кн. Мавсыревъ ознакомилъ собраніе съ дѣятельностью Гос. Думы за послѣднее время и отмѣтилъ инертное отношеніе всѣхъ фракцій Гос. Думы къ образованной комиссiи для борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ, которое, по мнѣнію князя, является одной изъ главной причинъ полной дезорганизаціи нашего тыла и неприспособленности въ дѣлѣ снабженія арміи всѣмъ необходимымъ.

Послѣ рѣчи кн. Мавсырева, покрытой бурными аплодисментами, на креслѣ вошелъ Л. Д. Рума, доложившій собранію о нѣмецкомъ засильи въ области финансовъ, торговли и промышленности.

Затѣмъ, послѣ выступленій ряда ораторовъ, отдѣльными фактами, выяснившими нѣмецкое засилье во всѣхъ областяхъ нашей жизни, слово было предоставлено члену Гос. Думы М. А. Караулову, который въ небольшой, красивой рѣчи призывалъ членовъ общества къ немедленной активной дѣятельности.

Промедленіе времени—смерти, безвозвратной, подобно есть,—вспомнилъ Карауловъ изреченіе Петра Великаго,—а потому немедленно принимайтесь за работу.

Комиссiя Гос. Думы, по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ, можетъ работать продуктивно только въ томъ случаѣ, если члены общества будутъ ей дѣятельно помогать.

16—18 августа. Законопроектъ о нѣмецкомъ засильѣ, предложенный кн. Лобановымъ-Ростовскимъ въ Государственномъ Совѣтѣ, для немедленнаго обсужденія по статьямъ, приравнявъ его къ задачамъ четырехъ, уже проектированныхъ, совѣщаній, отвергается Государственнымъ Совѣтомъ, принявшимъ предложенія кн. А. Д. Оболенскаго обсуждать постатейно законопроектъ, безъ всякихъ ограниченій, представляющихся спорными, а бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ голосуетъ противъ этого законопроекта, считая его мало-полезнымъ и неприемлемымъ.

По вопросу о ликвидаціи земель нѣмецкихъ колоній въ Таврической губерніи, по словамъ „Новаго Времени“ отъ 17 августа с. г.: „неожиданно выяснилось благожелательное отношеніе къ нѣмецкимъ жалобамъ со стороны Правительствующаго Сената. А такъ какъ оно сдѣлалось извѣстно для нѣмцевъ раньше и прежде кого бы то ни было,—прежде даже назначенія къ слушанію перваго нѣмецкаго дѣла,—то Сенатъ и оказался заваленнымъ жалобами о надѣльныхъ земляхъ“.

Рассказываютъ, что на стратегической линіи жел. дор. Кіевъ, Сарны, Ковель и Кіевъ, Коростель, Житомиръ, въ поселкахъ Ворзель и Кичево за долго до войны образовались германскія колоніи. Часть нѣмцевъ съ начала войны бѣжала въ Германію, другая часть остается, частью въ Кіевѣ, частью въ поселкахъ, гдѣ на нѣкоторыхъ дачахъ устроены бетонныя площадки и вышки. Одинъ поселенецъ изъ этой германской стая Шмидтъ, при одной побѣдѣ германцевъ, бѣгалъ на Кичеву и кричалъ: Да здравствуетъ Германія! Да здравствуетъ кайзеръ Вильгельмъ.

Ну мыслимо ли такое явленіе у нашихъ союзниковъ?

Рассказываютъ, что германцами скупается шерсть въ Монголіи въ громадномъ количествѣ и перевозится по Кит. Вост. дорогѣ.

19 августа. По Балтійской дорогѣ отъ Петрограда до Ораніенбаума на 80 верстѣ спрессованы 10 нѣмецкихъ колоній, а Александринская и Самсоновская колоніи непосредственно сливаются съ Н. Петергофомъ. Такъ какъ нѣмцы эти живутъ по линіи стратегической желѣзной дороги и весной этого года предрержавшія власти склонны были ликвидировать эти нѣмецкія земли и даже воспретили посѣвы, но сильныя нѣмецкіе заступники повернули это дѣло въ обратную сторону и г.г. колонисты поставляютъ нѣсколько сотенныя дачи для петроградцевъ, выручаютъ громадныя деньги на садахъ, огородахъ, насѣвахъ и по извозному промыслу, платятъ небольшой государственный налогъ, 2 р. 50 коп. квартирнаго налога, дома говорятъ исключительно по-нѣмецки и празднуютъ взятіе русскихъ крѣпостей. А уже давно, давно поселились нѣмцы эти въ Россіи.

Казалось бы, съ ними надо прѣкончить. Къ этимъ свѣдѣніямъ надо добавить два пикантныхъ разсказа, о двухъ садоводахъ-нѣмцахъ, живущихъ въ Новомъ Петергофѣ и получающихъ изъ русской казны деньги, сообщенныхъ въ корреспонденціи „Новаго Времени“ отъ 19-го сего августа. Одинъ изъ этихъ нѣмцевъ Асмусъ, который ухитряется получать казенное содержаніе, служить у знаменитаго ссыльнаго Шпана, недавно выбранилъ рабочихъ словами: „мало васъ бьютъ нѣмцы“. Дѣло о семъ предрержавшими было направлено къ прекращенію.

У другого садовода, Гауклера, два сына сражаются противъ

Россія и передъ войной прѣвжали къ своему цепенькѣ въ Петергофъ на побывку.

Сомнѣваемся, чтобы подобные факты были возможны въ Германія, въ Англіи и Франціи.

Австро-германскимъ плѣннымъ, находящимся въ Россіи, разрѣшается прогулка по улицамъ, а русскимъ плѣннымъ въ германіи никогда, такъ какъ они живутъ какъ въ тюрьмѣ. Неужели никто не додумается, изъ власть имущихъ, примѣнить этотъ режимъ у насъ къ германцамъ.

20—22 августа. „Утро Россіи“ и „Новое Время“ отъ 19 августа сообщаютъ о лояльномъ дѣяніи барона Фрейтага слѣдующее: „Имѣніе и дачи барона Фрейтага находятся недалеко отъ морского берега, между Царникау и Гайнажемъ. Въ послѣдніе дни, когда пришло извѣстіе о входѣ непріятельской эскадры въ Рижскій заливъ, окрестные крестьяне замѣчали по ночамъ (тогда стоялъ густой туманъ) въ паркѣ имѣнія Фрейтага яркій свѣтъ. Это на высокомъ столбѣ горѣла громадная газовая лампа, напоминающая своимъ свѣтомъ маякъ. Раньше эта лампа стояла безъ употребленія. Явленіе это, говорятъ, продолжалось нѣсколько ночей и исчезло, когда къ имѣнію приблизились власти для ареста барона“.

Латышская газета „Dzimlans Wahstnesis“ отъ 20 августа и „Новое Время“ отъ 21 августа тоже не скупятся свѣдѣніями о лояльности барона Радена и фонъ-Сильвіо-Бредерихъ; бывшій гольдингенскій и тукумскій уѣздный начальникъ, баронъ Раденъ, по распоряженію высшихъ германскихъ властей, назначенъ гольдингенскимъ уѣзднымъ начальникомъ.

Личность барона Радена была ярко обрисована курляндскими депутатами въ Государственной Думѣ: баронъ Раденъ сорвалъ погоны съ своего стражника, пожелавшаго пойти добровольцемъ на войну. Еще интереснѣе другое назначеніе: бывшій чинъ курляндской администраціи и талантливѣйшій колонизаторъ Прибалтійскаго края, влад. им. Курмаленъ, фонъ-Сильвіо-Бредерихъ назначенъ германцами на постъ гольдингенскаго городского головы.

Наконецъ таки, 20 сего августа, состоялось, такъ страстно ожидаемое, понимающими военное дѣло людьми, назначеніе генерала-отъ-инфантеріи Алексѣева начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Бывшій начальникъ штаба назначенъ помощникомъ намѣстника на Кавказѣ. Много пришлось пострадать и русской арміи и Россіи, прежде нежели это назначеніе состоялось. Невольно припомнился намъ тотъ разговоръ, который имѣлъ петроградскій обыватель съ лицомъ, имѣющимъ вліяніе на назначенія въ прошломъ. Дѣло было еще тогда, когда генералъ Жилинскій былъ назначенъ командующимъ войсками Варшавскаго военного округа и освободился высокою постю начальника генеральнаго штаба. Петроградскій обыватель поѣхалъ тогда къ вышеупомянутому лицу и сказалъ ему слѣдующее:

„Въ настоящее время освободился постъ начальника генеральнаго штаба, и всѣ, знающіе русское военное дѣло люди, просятъ, чтобы на этотъ постъ былъ назначенъ генералъ Алексѣевъ, который вполне этого достоинъ и имѣетъ на то всѣ права“.

На эти слова былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ:

— Генералъ Алексѣевъ не можетъ быть назначенъ!

— Почему?

— Онъ не знаетъ языковъ. Ну, какъ же онъ побѣдетъ во Францію на маневры,—и какъ онъ одинъ будетъ разговаривать съ начальникомъ французскаго генеральнаго штаба?

На эти слова петроградскій обыватель возразилъ: никакъ не полагаю, что назначеніе начальника генеральнаго штаба зависитъ отъ языка. Слова эти были прерваны этимъ лицомъ, рѣзко заявившимъ: Вопросъ рѣшенный и назначеніе генерала Алексѣева не состоится.

22-ю августа. Бѣломъ валѣ Зимняго Его Величества дворца, подъ личнымъ его Величества Государя Императора предсѣдательствомъ ¹⁾, состоялось открытіе особыхъ совѣщаній для обсужденія объединенія всѣхъ мѣропріятій по оборонѣ государства, по обезпеченію топливомъ, путей сообщенія, государственныхъ и общественныхъ учрежденій и предпріятій, работающихъ для цѣлей государственной обороны, по продовольственному дѣлу и по перевозкѣ топлива, продовольствія и военныхъ грузовъ.

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 22 августа с. г.

Засѣданіе открылось слѣдующей рѣчью Государя Императора:

„Дѣло, которое поручено особому совѣщанію по оборонѣ государства—самое главное и самое теперь важное. Это—усиленное снабженіе арміи боевыми припасами, котораго только и ждутъ наши доблестныя войска, чтобы остановить иноплемениное нашествіе и вернуть успѣхъ нашему оружію.

Созванныя Мною законодательныя учрежденія твердо и безъ малѣйшаго колебанія дали Миѣ тотъ единственный, достойный Россіи отвѣтъ, каковаго Я ожидалъ отъ нихъ: война—до полной побѣды.

Я не сомнѣваюсь, что это голосъ всей Русской земли.

Но принятое великое рѣшеніе требуетъ отъ насъ и величайшаго напряженія силъ. Это стало уже общей мыслью.

Но мысль эту надо скорѣе воплотить въ дѣло, и къ этому призвано прежде всего ваше совѣщаніе.

Въ немъ объединены для общаго дружнаго труда и правительство, и избранники законодательныхъ и общественныхъ учрежденій, и дѣятеля нашей промышленности—словомъ, представители всей дѣловой Россіи.

Съ полнымъ довѣріемъ предоставляю вамъ исключительно широкія полномочія, Я все время буду съ глубокимъ вниманіемъ слѣдить за нашей работой и въ необходимыхъ случаяхъ Самъ приму личное въ ней участіе.

Великое дѣло передъ нами. Сосредоточимъ на немъ одномъ одушевленные усилія всей страны. Оставимъ на время заботы о всемъ прочемъ, хотя бы важномъ, государственномъ, но не насущномъ для настоящей минуты. Ничто не должно отвлекать мысли, воли и силъ нашихъ отъ единой теперь цѣли: изгнать врага изъ нашихъ предѣловъ.

Для этой цѣли мы должны, прежде всего, обезпечить дѣйствующей арміи и собираемымъ новымъ войскамъ полноту боевого снаряженія. Эта задача отнынѣ ввѣрена вамъ, господа. И Я знаю, что вы вложите въ ея исполненіе всѣ свои силы, всю свою любовь къ родинѣ.

Съ Богомъ, за дѣло!“

Затѣмъ произнесли рѣчи управляющій военнымъ министерствомъ ген. А. А. Поливановъ, предсѣдатель Г. Совѣта А. Н. Куломзинъ и предсѣдатель Г. Думы М. В. Родзянко.

Первыя три четверти текущаго августа были на театрѣ войны самой тяжелой страдой, какую только переживала Россія

на все время великой войны. Незначительное количество боевых запасовъ заставило армію совершить значительный отходъ въглубь страны. Значительная часть территоріи была потеряна, за то армія была сохранена.

За это время непріятель овладѣлъ Ковной и Новогеоргіевскомъ. Были очищены со взрывомъ крѣпостныхъ верковъ и орудій Осовець, Гродно и Брестъ-Литовскъ. Противникъ продвинулся по направленію къ Ригѣ и Двинску и отодвинулъ насъ на правый берегъ Двины у Фридрихштадта. Къ востоку и юго-востоку отъ Гродно противникъ развивалъ свои наступленія. Соответственно отодвинулся нашъ центръ и лѣвый флангъ по направленію на Ровно и Дубно, а въ Галиціи по Серету и Днѣстру.

Дѣйствія нашего флота были успѣшны въ Рижскомъ заливѣ гдѣ былъ разбитъ непріятельскій флотъ съ потерей 11 вымпеловъ и на Черномъ морѣ былъ лихой бой нашихъ миноносцевъ съ крейсеромъ Гамидіе у Зунгулака.

На Кавказѣ происходили незначительныя столкновенія съ турками.

23 августа. Заносимъ на наши страницы знаменательныя событія Верховодительства арміей и флотомъ Его Величества; Государь Императоръ изволилъ прибыть 23 сего августа въ дѣйствующую армію ¹⁾).

Приказъ арміи и флоту. 23 августа 1916 года. Сего числа Я принялъ на Себя предводительствованіе всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Съ твердою вѣрою въ милость Божію и съ непоколебимой увѣренностью въ коначной побѣдѣ будемъ исполнять нашу святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ Земли Русской.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Ставка.

¹⁾ „Русск. Инв.“, 25 августа, с. г.

Указъ Правительствующему Сенату. Принявъ на Себя Верховное командованіе войсками дѣйствующихъ армій, Всемилостивѣйше повелѣваемъ Нашему генералъ-адъютанту, Верховному Главнокомандующему, генералу-отъ-кавалеріи Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу быть намѣстникомъ Нашимъ на Кавказѣ, главнокомандующимъ Кавказскою арміею и войсковымъ нахвальнымъ атаманомъ кавказскихъ казачьихъ войскъ съ оставленіемъ Нашимъ генералъ-адъютантомъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“

Въ Ставкѣ.

23 августа 1915 года ¹⁾.

Слышалъ многочисленные рассказы о томъ, съ какимъ необычайнымъ радушіемъ и гостепримствомъ встрѣчаютъ плѣнныхъ германцевъ, поселенные въ XVIII столѣтіи, нѣмецкіе колонисты на Волгѣ, тѣ самые колонисты, которые, по словамъ депутата Государственной Думы Керенскаго, ковали силу и мощь Россіи. Вотъ эти господа колонисты не наговорятся съ дорогими имъ германцами о своемъ, миломъ, германскомъ фатерландѣ и неизмѣнно злобно относятся къ Россіи и русскимъ. Приводить рассказы о томъ, что они говорятъ о Россіи и какъ они ей доброжелательствуютъ, — это значитъ все замѣтки обывателя заполнить безчисленными, о сихъ дѣяніяхъ, рассказами. Тутъ только неизмѣнно подтверждается пословица: какъ волкъ ни корми, онъ все въ дѣсь глядитъ.

Передавали про одно изъ безконечныхъ дѣяній юго-западныхъ нѣмецкихъ и иныхъ колонистовъ, о которыхъ такъ печаловался въ Государственной Думѣ баронъ Мейендорфъ, что ихъ безжалостно выселяютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сыновей ихъ берутъ въ солдаты.

Дѣло было на Владавскомъ фронтѣ. Г.г. колонистами были заблаговременно построены батарея и блиндажъ, и укрѣпленія для наступленія на Владаву. Сооруженія эти были прекрасно маскированы и давали возможность незамѣтно подойти къ линіи

¹⁾ „Русск. Инв.“, 26 августа сего года.

нашихъ укрѣпленій. Они были закончены передъ приходомъ нашихъ войскъ, такъ какъ земля была свѣжа и не засохла. Укрѣпленія эти были осмотрѣны войсковою комиссіей, которая составила о семъ подлежащій актъ.

Земля, гдѣ находились эти сооруженія, была во владѣніи нѣмцевъ - колонистовъ, выселенныхъ изъ Волынской губерніи. Какъ же по мнѣнію барона Мейендорфа надлежало этимъ господамъ выселять или нѣтъ?

О томъ, какъ эти господа нѣмецкіе колонисты обращаются съ русскими рабочими, свидѣтельствуется постоянный сотрудникъ „Рѣчи“, В. В. Хиженковъ въ его интересной книгѣ „Положеніе рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“ 1899 г., изданной Херсонской губернской земскою управою.

Мы позволимъ себѣ извлечь нѣсколько данныхъ изъ этой книги. Положеніе нашихъ рабочихъ у нѣмцевъ хозяевъ хуже всего, они выматываютъ изъ рабочихъ послѣднія жилы; проработать все лѣто у нѣмцевъ можетъ не каждый рабочій, а лишь только тотъ, кто обладаетъ особенной силой и выносливостью. Нѣмцы перѣдко жестоко избиваютъ нашихъ рабочихъ, которыхъ кормятъ тушами, павшихъ отъ заразныхъ болѣзней, животныхъ. Цѣлый рядъ случаевъ такого кормежа со смертельнымъ исходомъ приводится изъ практики экономія Л. А. Эслингера и Шварца, гдѣ рабочихъ кормили, павшими отъ сибирской язвы, животными.

А въ одной нѣмецкой колоніи нѣмка варила въ котлѣ обѣдъ (для рабочихъ), а вечеромъ ставила его (котелъ) въ избу въ мѣсто ночной посуды для дѣтей.

Тяжело больныхъ рабочихъ нѣмцы вывозятъ въ степь и бросаютъ. Таковы нравы почтенныхъ колонистовъ нѣмцевъ въ Херсонской губерніи, тѣхъ нѣмцевъ, въ защиту которыхъ подвизаются г.г. Крымы и К^о.

Если бы другіе изслѣдователи имѣли такое гражданское мужество, какъ г. Хиженковъ и для другихъ губерній, занятыхъ нѣмецкими колоніями, то картина бы получилась значительно ярче и сильнѣй.

Текущая сессія Государственной Думы ознаменовалась страстнымъ, достойнымъ великаго русскаго народа порывомъ къ единенію для окончательной цѣли побѣды надъ дерзкимъ вра-

гомъ. Она всколыхнула всѣ общественныя и промышленныя организаціи для неотложной подготовки матеріальныхъ средствъ борьбы и въ этомъ ея несомнѣнная заслуга. Забывъ партійныя распри, могучій союзъ центральныхъ силъ Государственной Думы образовалъ такъ называемый прогрессивный блокъ съ призывомъ къ общему единенію всей Россіи.

25 августа. Подъ Тарнополемъ былъ большой успѣхъ противъ 3-й гвард. и 48 германскихъ дивизій, при чемъ взято въ плѣнъ 200 офицеровъ, 8 т. ниж. чин. и 30 орудій, и на Серетѣ у Трембовая взято 150 офицеровъ и 7 т. ниж. чиновъ. На Серетѣ 27 августа еще захвачено 160 офицеровъ и 5 т. ниж. чиновъ. На Рижскомъ районѣ отбиты атаки непріятеля. Значительныя силы непріятеля наступаютъ отъ Вилькомира на Свенцяны. Въ центрѣ и на южномъ фронтѣ наступленіе противника приостановлено.

Г. Петровъ въ „Русскомъ Словѣ“ отъ 27 и 28 августа въ двухъ приводимыхъ сценахъ талантливо изображаетъ послѣдніе дни Новогеоргіевска:

„Въ Новогеоргіевскѣ, какъ уже официально было сообщено, комендантомъ состоялъ генералъ Бобырь, подлинный герой русской боевой закваски. Герой съ головы до ногъ. Скромный, дѣловой. Родной, близкій солдату. Онъ былъ душою обороны Новогеоргіевска. Настоячиво твердилъ своимъ войскамъ:

— Помните главное: не укрѣпленія должны защищать васъ, а вы должны собою охранять крѣпость. За вашей спиной отходятъ главныя силы русской арміи, основная надежда Россіи. Каждый лишній день, который вы удержите на себѣ непріятеля, дальше и дальше отводите нависшую надъ ними грозу. Вы—громоотводъ всей русской арміи. Не дайте врагу вышибить пробку изъ русской бочки, пока оттуда не выкачали дорогое русское вино. Помните, что чѣмъ дольше и больше вы оттянете на себя непріятельскихъ силъ, тѣмъ легче будетъ нашимъ собраться съ силами позади насъ. Не думайте же о себѣ! Думайте о русской арміи, о Россіи! Если намъ и суждено будетъ погибнуть, то пусть наши тѣла будутъ углями въ томъ горнѣ, въ которомъ будетъ готовиться полная русская побѣда надъ сильнымъ врагомъ.

Бобырь первый показывалъ, что онъ не помнитъ о себѣ, а думаетъ лишь объ успѣхѣ борьбы съ германскимъ Змѣемъ-Горынычемъ. Онъ дня и ночи былъ среди войскъ. Являлся въ самыя опасныя мѣста. Лично рѣшалъ, окончательно ли безнадежна судьба разгромленнаго германскими „Бертами“ форта, и самъ наблюдалъ за полнымъ уничтоженіемъ всего на покидаемомъ нами фортѣ. На одномъ изъ такихъ фортовъ герой ново-георгіевской обороны, генераль Бобырь, и былъ сраженъ.

Почти уже недѣлю двумя тысячами орудій германцы громили окопы и форты Новогеоргіевска. Выкорчевали снарядами цѣлыя десятины лѣса. Вспахали, не оставивъ и слѣда травянки, поля и дуга вокругъ крѣпости. Истолкли чуть не въ порошокъ саженой толщины бетонные своды на иныхъ фортахъ, а защитники крѣпости, какъ и въ первый день осады, вслухъ и про себя твердили одно:

— Наша судьба рѣшенная, — только бы заставить германцевъ дороже заплатить за нее.

И они, подъ ураганомъ стальныхъ чудищъ, мѣняли подбитыя орудія, тащили на себѣ снаряды:

— Тяжело, но удобнѣе, — говорили они. — Лошади — тѣ пугаются, не выносятъ ливня снарядовъ кругомъ, да и мало ихъ, лошадей-то.

Таяли подъ ударами непрерывныхъ 10—15-ти германскихъ атакъ роты и батальоны, — на пополненіе ихъ спокойно шли другіе. Шли, прощаясь съ остающимися. Цѣловались, оставляли письма на родину. Остающіеся, пока крестили отходящихъ вслѣдъ, добавляли:

— Мы придемъ на смѣну вамъ.

Уходящіе крестили остающихся:

— Заплатите за насъ германцамъ. Пойдите за Россію до послѣдняго.

Или сами безъ надежды вернуться, они завѣщали товарищамъ одно:

— Пойдите за Россію до послѣдняго!

Какъ бились въ окопахъ, какъ продавали послѣдніе часы жизни подъ развалинами фортовъ, — того нельзя и приблизительно описать. Подбираешь слова для описанія и чувствуешь, что словно обкрадываешь людей. Бессилецъ передать красоту и величіе ихъ подвиговъ.

Вотъ, на примѣръ, одинъ изъ многихъ самыхъ разнообразныхъ по героизму случаевъ. Цѣлый рядъ фортовъ дожидаетъ послѣдніе часы. Всѣ прикрытія уже разгромлены. орудія почти

сметены, люди перебиты. Германская пѣхота вазиваетъ собою влосчастный участокъ. Колонны ея густыми рядами идутъ справа, слѣва, пруть прямо стѣною.

На одномъ изъ фортовъ уцѣлѣла горсть защитниковъ. Одинъ уголъ, заваленный обломками развалинъ форта, имѣлъ оскаленная челюсть, бился еще жизнью. Начальникомъ тамъ былъ поручикъ М. Кусокъ пространства сзади оставался еще свободнымъ, и поручикъ М., собравъ людей, могъ возвратиться въ крѣпость. Но тутъ заговорило безумство храбрыхъ. Поручикъ обратился къ оставшимся солдатамъ:

— Братцы, рѣшайте! Скажете: итти,—уйдемъ, а я предлагаю остаться. Пулеметы и легкія орудія у насъ еще работаютъ, снарядовъ много, хватитъ надолго. Примемъ „гостей“ у себя на фортъ, угостимъ ихъ досыта. Только знайте, что тогда ужъ намъ не уйти, можетъ-быть, никому отсюда; нѣмцы окружатъ и ни живьемъ не выпустятъ, ни въ плѣнъ не возьмутъ. Какъ думаете?

— Что думать? — заговорили солдаты. — Въ крѣпости — тоже не въ деревнѣ. Только оторочка. Тамъ завтра смерть, послѣ-завтра, а здѣсь сегодня. Остаемся. Погуляемъ зато на „германской свадьбѣ“. Въ упоръ, лицомъ къ лицу! Нахлещемъ ихъ вѣвниками.

— Твердо рѣшили? — спросилъ М.

— Твердо.

Сняли шапки, перекрестились. Обняли другъ-друга, какъ братья, и крѣпко перецѣловались. Поручикъ М. взялъ телефонную трубку и по подземному проводу сообщилъ въ крѣпость рѣшеніе своей части остаться.

— Будемъ держаться до конца, а можетъ-быть, вы и сможете еще притти къ намъ на помощь, освободите насъ.

Начался послѣдній бой горсти съ нѣсколькими колоннами. Люди цѣлыя сутки творили живую пѣсню безумству храбрыхъ. Германцы, обходя развалины форта справа и слѣва, не могли и думать, что тамъ ждетъ ихъ кучка „безумныхъ“. Лились потоками дальше. Вдругъ развалины заговорили. Пулеметы брызнули градомъ свинца вправо и влево. Нѣсколько орудійныхъ снарядовъ полетѣло въ глубь германскихъ колоннъ. Германцы озвѣрѣли.

— Это еще что такое? Обломки дерутся? Добить ихъ!

Кинулись къ остаткамъ форта, — тотъ, какъ нефтяной фонтанъ, жжетъ. Отхлынули германцы, дали знать навадь. Тамъ вабухали тяжелыя пушки. На фортъ тучи пыли, щебня, но

фортъ стрѣляетъ. Поручикъ М. подробно телефонитъ въ крѣпость:

— Насъ окружили! Мы ожгли ихъ. Кладемъ густо. Отошли. По насъ стрѣляютъ. Мы сидимъ внутри, въ казематѣ. Грохотъ наверху кончился, сейчасъ германцы пойдутъ въ атаку. Ждемъ ихъ, приготовились... Стрѣляемъ, стрѣляемъ, стрѣляемъ. На-косили здорово. Солдаты радуются. Благодарятъ, что надоумилъ остаться. У васъ какъ? Что на другихъ участкахъ? Какъ думаете: отгонять германцевъ или нѣтъ? Мы ждемъ насъ... Простите: некогда, опять германцы идутъ на насъ.

Спустился полчаса снова телефонъ:

— Молотятъ по насъ, своды выдерживаютъ. Германцы не оставляютъ насъ въ покоѣ,—опять идутъ. Снаряды есть. Много еще. До насъ продержимся.

Черезъ часъ радостный голосъ:

— Ну, и праздникъ: кругомъ устѣно германцами. Они бѣсятся. Кидаются на насъ, какъ голодные крысы, а мы—что ешь: колемся. Бьемъ навѣрняка... Есть, есть снаряды.

Но вотъ тревожный звонокъ:

— Германцы заливаютъ насъ. Не успѣваемъ стрѣлять. Валимъ десять,—на ихъ мѣсто двадцать. Косимъ двадцать—черезъ ихъ трупы новые сорокъ... Германцы ворвались въ фортъ... Слышно, какъ топчутъ по сводамъ нашего каземата. Мы стрѣляемъ по тѣмъ, что бѣгутъ кругомъ еще по полю... Быть чѣмъ-то поверху, ломаютъ входъ. Мы стрѣляемъ. Не слышу ничего: вой кругомъ. Германцы снаружи заваливаютъ наши амбразуры для стрѣльбы. Мы стрѣляемъ въ упоръ. Стрѣля...

Телефонъ оборвался. Германцы заняли казематъ.

Подавляющія во всемъ силы германцевъ дѣлали свое. Кольцо осады суживалось и желѣзными тисками все тѣснѣе и тѣснѣе стягивало защитниковъ. Падали одинъ за другимъ наши форты: смолкали, а потомъ, безмолвные, переходили въ руки врага. Все чаще и ближе къ крѣпости приходилось отходить нашей пѣхотѣ изъ окоповъ. Наконецъ, стало ясно, что дни крѣпости сочтены. Гарнизону героемъ-комендантомъ было еще разъ предложено на выборъ: пробовать пробиться,—тогда они могутъ быть взяты въ плѣнъ и уцѣлѣть военноплѣнными,—или остаться внутри до послѣдняго, смертельнаго боя.

Защитники рѣшили биться въ крѣпости до послѣдней возможности:

— Набьемъ напоследокъ цѣну. Пусть германцы знаютъ,

чего стоятъ русскія крѣпости, когда ихъ приходится брать начистоту.

Летчикамъ было приказано готовить аппараты къ полету: нужно было отправить съ ними важныя бумаги крѣпости и святыню ея—штандартъ. На случай возможной гибели летчика съ отчетомъ о дѣйствіяхъ крѣпости отчеты были заготовлены въ нѣсколькихъ экземплярахъ и розданы по разнымъ рукамъ. Наиболѣе важное для передачи было сообщено устно.

Летѣть днемъ не было никакой возможности: германскіе снаряды крыли воздухъ, рвались вокругъ самолетовъ сплошными тучами. Была бы неизбежная смерть. Рѣшили поодиночкѣ летѣть ночью, когда пальба вообще замѣтно стихала, и сотрясеніе воздуха было слабѣе, да и самолеты были невидимы. На случай же, если какой-нибудь летчикъ или нѣсколько ихъ, даже всѣ, были бы подбиты, то чтобы при паденіи ихъ на землю бумаги крѣпости не попали въ руки врага, летчики сами привязали къ самолетамъ мины и приспособили ихъ такъ, что при ударѣ упавшей машины о землю мина взорвалась бы сама и уничтожила бы трупъ летчика съ важными бумагами.

* * *

„Настала ночь, — было около двѣнадцати. Машины были готовы къ полету. Кругомъ ихъ все гудѣло. Самолеты дрожали. Новогеоргіевскъ зловѣще горѣлъ. Съ фортовъ и даже уже отъ нутра крѣпости, изъ цитадели, доносился глухой ревъ: тамъ бились грудь съ грудью. То нервно трещала ружейная пальба, то стихала, и на смѣну ей, нарастая, поднимались неслышные, дикіе вопли и крики. Порою выдвѣлялись отдѣльныя, одиночныя голоса. Покрывали общій гулъ и снова тонули въ немъ. Неслось только:

— А-а-а-а-а! А-а-а-а-а! А-а-а-а-а!

— А-а-а! А-а! А!

Гдѣ-то крики обрывались. Но тутъ снова начиналась ружейная и пулеметная трескотня. И опять щемило за душу далевое:

— А-а-а-а! А-а-а-а! А-а-а! А!

Летчики сидѣли со своими помощниками-механиками. Такъ много работали вмѣстѣ, столько пережили сообща, а теперь надо было разставаться: одни улетали, а другіе оставались. Сидѣли другъ противъ друга, согнувшись, съ опущенными на колѣни руками, и молчали. Что было говорить? Всякія слова были жалки и нищельски-бѣдны.

Зная, что со стоянки самолетовъ сегодня улетаютъ наши летчики съ послѣдними вѣстями изъ крѣпости, раненные офицеры и солдаты, кто только могъ, къ полуночи стали брести и ползти сюда. Сотнями легли вокругъ самолетовъ по полю и ждали отлета ихъ. Незнакомые офицеры и солдаты подходили къ летчикамъ и крестили ихъ на дорогу, жали имъ руки, цѣловали, гладили ихъ одежду.

— Летите?

— Да.

— Храни васъ Богъ! Счастливо долетѣть. Кланяйтесь нашимъ. Поцѣлуйте за насъ родную землю, — намъ уже не видать ея. Скажите арміи, чтобы билась съ германцемъ до конца. Это — нашъ послѣдній завѣтъ... Не за миръ, а за побѣду надъ врагомъ умираемъ здѣсь. Скажите, что не жалѣемъ жизни, не боимся умереть. Дѣло свое сдѣлали. Кланяйтесь тамъ. Передайте нашъ общій поклонъ родной землѣ.

Къ послѣднему самолету, въ хвостѣ очереди, подошелъ механикъ, рослый, вдовольный человѣкъ, припалъ къ нему, обнявъ, и плакалъ. Подошелъ товарищъ-летчикъ. Молча обнялъ и поцѣловалъ его въ голову. Механикъ обернулся, смахнулъ слезу и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Запомните! Скажите тамъ, что мы здѣсь умерли хорошо. И добавьте: „Не жалѣя“. Прощайте, милый! Живите еще долго.

— И ты служи, — какъ человѣку, сказалъ механикъ самолету. — Хорошій альбатросъ, — дѣловито добавилъ онъ.

— Пора летѣть! Порывъ! Чья очередь? — послышался громкій приказъ.

Зажужжалъ аппаратъ, побѣжалъ, оторвался отъ земли, и вслѣдъ ему настало поле:

— Храни Господь! Цѣлуйте родину! Кланяйтесь... Скажите... Нашъ завѣтъ... До конца!..

— Второй!.. Третій!.. Четвертый!.. Пятый!.. Шестой!.. Седьмой!.. Всѣ! — слышалась команда.

Поле внизу крестилось. Никто болѣе ничего не кричалъ вслѣдъ. Люди творили каждый про себя общую великую молитву. А вокругъ крѣпости и внутри ея грохотали взрывы, гулъ орудій смѣнялся ружейной трескотней, и въ разныхъ концахъ зловѣще стонало и выло:

— А-а-а-а! А-а-а-а! А-а-а! А!

— Не хотѣлось летѣть отъ своихъ, — говорили послѣ въ штабѣ товарищамъ летчики. — Такъ тянуло назадъ, приземлиться и раздѣлать со всѣми общую ихъ судьбу. Но нужно было до-

ставить важныя бумаги и сообщенія... Вылетѣли-было за полосу боя въ крѣпости и... какъ сговорившись, каждый по очереди поворачивалъ свой самолетъ назадъ.

Летчики сдѣлали послѣдній кругъ надъ обреченною крѣпостью: прощались съ нею.

Внизу зарево пуце охватило крѣпость. Все было въ огнѣ. И воздухъ вдругъ до верха самолетовъ затрясся отъ новыхъ, — можетъ-быть, послѣднихъ, — взрывовъ крѣпости: Новогеоргиевскъ палъ.

Я точно знаю, что уцѣлѣвшіе отъ послѣдняго, смертнаго боя защитники Новогеоргиевска къ 20-му августа были уже доставлены плѣнными въ Страсбургъ. Что творилось въ павшей крѣпости послѣ отлета нашихъ крылатыхъ вѣстниковъ, — повѣдаютъ намъ послѣ войны невольные гости Страсбурга⁴.

Странная судьба постигаетъ у насъ борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ. Ко дню открытія представительныхъ учрежденій въ концѣ лѣта этого года, она находилась на' точкѣ замерзанія, и думалось, что съ созывомъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта проглянетъ свѣтъ на этотъ темный и непопятный застой.

Въ нашихъ замѣткахъ указано на ту страстную борьбу, которая постигла законопроектъ о нѣмецкомъ засильѣ въ обѣихъ нашихъ Государственныхъ палатахъ.

Обѣ состязавшіяся стороны въ Государственной Думѣ преподносили другъ другу весьма пикантныя разоблаченія.

Лѣвые говорили правымъ: „Вы, приверженцы Германіи, ваши представители выступаютъ теперь противъ Германіи. Говорили прежде по адресу Германіи слѣдующее:

„Всегдашніе защитники нѣмца-управляющаго, это именно, господа, правые“. „Въ 1905 году генераль-губернаторъ Скалонъ, обращаясь къ графу Тышкевичу, осмѣлившемуся заговорить о польскихъ правахъ, заявилъ: противъ васъ есть императоръ Вильгельмъ. Онъ придетъ и усмирить васъ“. Не припомнить ли также господа депутаты, сидѣвшіе здѣсь и во время третьей Думы, одной любопытной фразы, брошенной съ правой скамьи: „если бы вамъ удалось это сдѣлать, то императоръ Вильгельмъ съ бронированнымъ кулакомъ поставитъ насъ на мѣсто“.

Представитель правыхъ говорилъ: ни для кого не тайна, какое огромное вліяніе оказываютъ нѣмцы на выборы въ Государственную Думу.

„Передъ самой войной, когда здѣсь былъ Шуанкаре, когда Австрія готовилась уже нанести ударъ Сербіи, „Земщина“, отражающая мнѣнія сидящихъ на правыхъ скамьяхъ депутатовъ, писала: „Французскіе государственные умы поймутъ, наконецъ, что только тѣсная связь Россіи съ Германіей для Франціи выгодна и прочна. И какая можетъ быть мысль о морской конвенціи съ Англіей? Англія никогда не рискнетъ изъ-за Россіи сдѣлаться на морѣ съ Германіей. Пора намъ перестать разыгрывать роль спасителей Европы, а тѣмъ болѣе Англіи. У насъ своихъ дѣлъ немало, да и враговъ внутри Россіи немало, чтобы еще создавать себѣ новаго врага изъ ближайшихъ дружественныхъ намъ сосѣдей“. То же самое писало „Русское Знамя“.

Отъ этихъ самыхъ равнообразныхъ мнѣній, законопроектору о нѣмецкомъ засильѣ сильно не повезло въ Государственной Думѣ, несмотря на то, что лидеръ одной изъ вліятельныхъ партій утверждалъ, что этотъ вопросъ трудный и больной и что у него масса писемъ о томъ, какъ глубоко вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ охватилъ наше населеніе.

Это не помѣшало ему и прочимъ лидерамъ сильныхъ партій Государственной Думы провалить вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ, такъ какъ въ программѣ прогрессивнаго блока вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ не значился. Онъ признанъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, неприемлемымъ, и на всѣ запросы по этому поводу въ Государственной Думѣ слѣдовало гробовое молчаніе.

Въ Государственномъ Совѣтѣ вопреки желанію кн. Лобанова Ростовскаго, желавшаго выдѣлить этотъ законопроектъ съ особо выдающимся значеніемъ, на высокое мѣсто полномочій другихъ 4-хъ комиссій, онъ былъ принятъ для обсужденія по-статейно, какъ самый заурядный законопроектъ.

Въ глубокихъ народныхъ массахъ, въ сердцахъ и умахъ обыкновенныхъ обывателей, вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ рѣшается очень просто: надо во что бы то ни стало уничтожить эту заразу російскаго организма, не такъ просто рѣшается онъ у предрержащихся, у лицъ и съ партійными шорами на глазахъ и у нашихъ нѣмцелюбовъ.

Невольно является вопросъ, почему борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ такъ не повезло и въ нашихъ законодательныхъ палатахъ? Почему во Франціи, въ Англіи борьба съ нѣмцами дается такъ легко, а у насъ совсѣмъ не удается? Неужели мы, русскіе, такъ глупы и такъ безхарактерны?

На нашъ обывательскій взглядъ вся неудача происходить оттого, что, во-первыхъ, вопросъ не достаточно уясненъ всѣмъ, что онъ слагается изъ двухъ данныхъ: а) борьба съ германскимъ засильемъ, б) борьба съ прибалтійскимъ засильемъ, явившимъ вліятельные административные, промышленные и представительные посты и въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ.

Недавнія событія въ Курляндіи уже достаточно опредѣленно разъяснили ихъ лояльныя бравады.

Пора, наконецъ, Россіи понять, откуда и какъ надо начинать эту упорную и длительную борьбу.

П. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

